№ 10(10) / 2012

www.ores.su

«Russian journal of Earth Sciences»

Научно-практический рецензируемый ежемесячный электронный журнал

№ 10(10) / 2012

ISSN 1681-1178 (printable) || e-ISSN 1681-1208 (Online)
e-ISSN 1681-1194 (Online)

«Russian journal of Earth Sciences»

Научно-практический рецензируемый ежемесячный электронный журнал

№ 10(10) / 2012

Журнал входит в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (Заключение президиума от 25 мая 2012 г. № 22/49)
Журнал включен в реферативную базу данных DOI indexes, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Scopus.

Редакционная коллегия:

Выпускающий редактор:
О. Капитанова, кандидат социологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии:

Арютов Б.А.	д.т.н., профессор	Нижний Новрогод
Замогильный С.И.	д.филос.н., профессор	Энгельс
Кирьякова А.В.	д.п.н., профессор	Оренбург
Куликов Н.И.	д.э.н., профессор	Тамбов
Капитонова Т.А.	к. ф.-м.н., профессор	Якутск
Полещук О.Х.	х.н., профессор	Томск
Рассветалов Л.А.	д.т.н., профессор	Великий Новгород
Степанова Э.Ф.	д.фарм.н., профессор	Пятигорск
Редько А.Н.	д.м.н., профессор	Краснодар
Романцов М.Г.	д.м.н., профессор	Санкт-Петербург
Румш Л.Д.	д.м.н., профессор	Москва
Chiladze G.	phD	Georgia
Datskovsky I.	phD	Israel
Vasileva M	phD	Bulgaria

Материалы рецензируются.
Авторские материалы не всегда отражают точку зрения редакции.
Редакция не несет ответственности за информацию, содержащуюся в авторских работах и рекламных материалах.

Материалы публикуются в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

Ахмадиева Г.Г.
Методика оценки эффективности бюджетной политики муниципалитетов 4

Иксанов Р.А.
Проблемы судебной защиты прав сельскохозяйственных товаропроизводителей в условиях членства России в ВТО 18

Юмагузин В.В.
Тенденции смертности от внешних причин смерти в России в 1990-2010 гг. 23

Андреев Д.Н.
Экогеохимическая индикация антропогенной трансформации сосновых экосистем 44

Рабовалюк Л.Н.
Сравнительный анализ ценностных ориентаций женщин с разными группами рисков ПКГД 50

Xin Xu
Internal corporate governance and the use of IPO over-financing: evidence from China 68

УДК: 338.242

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ

Г.Г. Ахмадиева

ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан»

В статье систематизируются существующие методики оценки эффективности бюджетной политики разного уровня бюджета с точки зрения их применимости к муниципалитетам, выявляются их преимущества и недостатки, позволяющие определять условия их использования на практике. В результате чего предлагается новая методика оценки эффективности бюджетной политики, основанная на матричном подходе. По указанной методике осуществлена оценка эффективности бюджетной политики ведущих муниципальных образований Республики Татарстан.

Ключевые слова: методика; бюджетная политика; эффективность; качество жизни; бюджетные расходы.

UDC: 338.242

METHODOLOGY OF EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF FISCAL POLICY MUNICIPALITIES

G. G. Akhmadiyeva

State Budgetary Institution Centre perspektivnykh ekonomicheskikh issledovany Akademii nauk Respubliki Tatarstan

In article existing procedures of an assessment of efficiency of budgetary policy of a different level of the budget from the point of view of their applicability to municipalities are systematized, their advantages and the lacks come to light, allowing to define conditions of their use in practice. Therefore the new procedure of an assessment of efficiency of the budgetary policy, based on the matrix approach is offered. The assessment of the effectiveness of fiscal policy of leading municipal districts of the Republic of Tatarstan.

Keywords: a procedure; the budgetary policy; efficiency; quality of a life; deficit spending.

Эффективность бюджетного процесса упоминается в нормативных документах последних лет настолько часто, что само это понятие многими воспринимается как не требующее каких-либо дополнительных разъяснений. В федеральном законодательстве до недавнего времени не содержалось четкого определения терминов, относящихся к эффективности в бюджетной сфере. Кроме основополагающего «принципа экономности и эффективности использования бюджетных средств», изложенного в ст. 34 Бюджетного кодекса РФ [4], некоторые понятия были достаточно корректно представлены в других документах. Так, можно отметить трактовку показателей «бюджетной эффективности» в постановлении Правительства РФ от 23 ноября 2005 г. № 694 «Об Инвестиционном фонде Российской Федерации» [7]. В приказе Минэкономразвития РФ и Минфина РФ от 23 мая 2006 г. № 139/ 82н [8] хотя и не содержится понятий эффективности как таковых, но приводится целый ряд определений критериев эффективности.

В литературе по анализу бюджетной политики того или иного уровня бюджета предлагается самые разнообразные критерии оценки эффективности. Нами предлагается следующая группировка методик, в основе которой лежит единство критериев оценки эффективности.

Методики, использующие в качестве критериев эффективности сбор бюджетных доходов, выполнение бюджетных обязательств, управление бюджетным дефицитом и государственным долгом. Они хорошо проработаны в трудах Бабайцева А.А. и Ковалевой Т. М. [2, 6]. Первая выделенная группа методик предлагает оценивать эффективность бюджетной политики через определение уровня сбора бюджетных доходов, выполнение бюджетных обязательств, управление бюджетным дефицитом и государственным долгом. Для муниципального образования такой подход вполне применим, поскольку значение этих факторов на уровне муниципального образования никто не отменял. Действительно, расчет этих факторов позволит выявить сложившуюся в муниципальном образовании зависимость от вышестоящих бюджетов, степень самофинансируемости и т.д., а значит, позволит судить об эффективности бюджетной политики муниципального образования. Кроме того, сопоставление этих данных одного муниципального образования с подобными показателями другого муниципального образования позволит сделать вывод о наиболее успешных муниципалитетах и заимствовать их опыт проведения бюджетной политики. Однако использование только этих показателей весьма ограничивает понятие эффективности.

Методики, характеризующие эффективность бюджетной политики через максимальный охват проблем бюджетного процесса: формирования, обсуждения и исполнения бюджета на региональном и муниципальном уровне. Наиболее полно данную методику

представил Санкт-Петербургский гуманитарно-политологический центр «Стратегия» в рамках проекта «Городские жители и власть - на пути к сотрудничеству» [5]. Здесь предлагается оценивать бюджетную политику муниципального образования экспертно. Эта группа методик, на наш взгляд, максимально охватывает проблемы бюджетного процесса: формирование, обсуждение и исполнение бюджета на региональном и муниципальном уровне. Кроме того, она была апробирована на муниципальных образованиях города Санкт-Петербурга, и показала свою действенность. Она действительно охватывает весь спектр проблем муниципального образования, начиная от анализа доходной части бюджета через налоговое и бюджетное законодательство, переходит к анализу каждого элемента в расходной части бюджета. Однако у нее есть и недостатки, которые, на наш взгляд, выражаются в следующем: – она громоздка для применения и требует больших человеческих ресурсов при использовании; – она не учитывает оценку эффективности муниципального образования с макроэкономических позиций, таких как регулирование муниципального долга, инвестиционной, промышленной активности муниципального образования, его внешне-экономической деятельности.

Методики, использующие для оценки эффективности бюджета общепринятые бюджетные коэффициенты (данная методика была апробирована при анализе эффективности деятельности муниципальных образований Новосибирской области) [1]: коэффициент соотношения безвозмездных перечислений и полученных доходов; коэффициент бюджетной результативности территорий; коэффициент бюджетной задолженности; коэффициент бюджетного покрытия; коэффициент бюджетной обеспеченности населения. Данные методики отличаются широкой распространенностью и применимостью при оценке деятельности муниципалитета. Они характеризуют наиболее общие тенденции деятельности муниципального образования, не останавливаясь на более частных проблемах. Их преимущество в том, что они комплексно, в целом, описывают ситуацию, сложившуюся в муниципальном образовании в области финансов. Однако здесь возникает ряд проблем. Главная из них заключается в том, какие именно показатели следует включать в расчет коэффициентов, а какие следует проигнорировать. Следующая – в том, как определить, о чем говорит то или иное значение коэффициента. А в-третьих, проблема сопоставимости показателей. Для одного муниципального образования данный коэффициент говорит о положительных изменениях, а для другого муниципалитета он может характеризовать обратную тенденцию.

Методики, использующих для оценки эффективности деятельности муниципального образования в целом, оценку

эффективности деятельности каждого бюджетного учреждения в отдельности (данная методика наиболее проработана Т. Сильвестровой зам. главного редактора журнала «Бюджетные организации: бухгалтерский учет и налогообложение» [12]). Эти методики, как раз, позволяют оценить деятельность каждого бюджетного учреждения в составе муниципального образования. Согласно ей мы можем проанализировать деятельность бюджетных учреждений, выявить в них слабые места, а значит, дать четкие рекомендации, как эти недостатки устранить. Данная методика направлена на оценку эффективности с точки зрения и социальных показателей, а значит, она характеризует и качество жизни населения муниципалитета. Однако эта методика не затрагивает ситуацию в целом: указан результат, затраты на его достижение, а соотношение затрат к результатам в расчетах оценки «эффективности» не используется вовсе. Кроме того, бюджет это не только структура расходов, но и нельзя игнорировать доходную часть. А также возникает проблема субъективно-объективной оценки показателя. Ведь выбор того, какое бюджетное учреждение мы оцениваем, натыкается на экспертное мнение: всегда ли оно будет четко отражать ситуацию.

Методики органов финансового контроля. Они оценивают эффективность бюджетной политики с точки зрения проверки достоверности предоставления информации об исполнении бюджета, соответствия действующему законодательству операций по управлению финансово-хозяйственной деятельностью организации, так и оценка эффективности и целесообразности принятия управленческих решений и использования ограниченных ресурсов. Данная методика представлена в работах Е. В. Шипиловой - ведущего специалиста отдела сводного планирования территориальных бюджетов Министерства финансов Омской области [15]. Эти методики позволяют судить о том, как муниципалитет использовал свои финансовые ресурсы, не было ли отклонения в целевом использовании средств. Но здесь мы возвращаемся к проблеме качества жизни населения муниципалитета. Ведь органы финансового контроля действуют, исходя из предпосылки того, что нарушение есть. А ситуация может сложиться так, что сама проверка потребует больших затрат, тогда как эти ресурсы можно было использовать альтернативно.

Методика, использующая для оценки эффективности бюджетной политики показатели результативности – показатели конечных эффектов, показатели непосредственных результатов и показатели использования ресурсов. Она предложена Берездивиной Е.В. в работе «Система показателей результативности субъекта бюджетного планирования» [3]. Некоторые из этих показателей, действительно, существенно отражают состояние бюджетной политики, имея прямое

отношение к финансам, другие носят более описательный характер, для расчета третьих необходима статистическая информация, собираемая в разрезе субъектов РФ или в целом по государству. Поэтому не все из них применимы для муниципального образования. Но часть из них использовать возможно. Иными словами, несмотря на то, что методика разработана для уровня субъекта Российской Федерации, при определенных ограничениях ее показатели можно трансформировать и на уровень муниципалитетов.

Таким образом, рассмотрены наиболее известные методики оценки эффективности бюджетной политики. Каждая из них обладает своими существенными достоинствами, вытекающими из четкого и логического обоснования выбранного критерия эффективности, и недостатками, возникающими в связи с невозможностью охватить всю группу факторов, влияющих на эффективность бюджетной политики муниципального образования. Кроме того, из приведенного выше анализа видно, что главным недостатком большинства методик является их относительная отстраненность от качества жизни населения. На наш взгляд, учитывая положения главы 3 Федерального закона от 06.10.2003 N 131-ФЗ [14], смысл существования муниципалитетов заключается, в том числе, и в обеспечении достойного уровня жизни своему населению.

В данной работе предлагается новая методика оценки эффективности бюджетной политики муниципальных образований, где в качестве критерия эффективности выделяется баланс социального развития местного самоуправления относительно затрат на его осуществление. На наш взгляд, данный критерий эффективности вытекает из статьи 34 Бюджетного Кодекса Российской Федерации, где содержится определение «принципа эффективности и экономности бюджетных средств», заключающееся в необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств или достижении наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств. Естественно, что «объем средств» муниципалитета - это расходы местного бюджета, а вот что же принять за «заданные результаты»? На наш взгляд, это и есть смысл деятельности муниципального образования - повышение качества жизни населения. Поэтому в основе предлагаемой нами методики лежит использование матричного подхода для отображения позиций территории среди регионов конкурентов и определения направления приоритетных сдвигов при разработке бюджетов территорий.

По оси ОХ в данном случае предлагается откладывать приведенный показатель расходов бюджета территории на душу населения, по оси ОУ - интегральную оценку качества жизни населения территории, отражающую социальное развитие, рис. 1.

В соответствии с предложенным подходом для оценки влияния расходов бюджета на социальное развитие целесообразно на первом этапе проанализировать показатели качества жизни населения по следующим направлениям: уровень жизни; состояние здравоохранения; уровень развития физкультуры и спорта; качество образования; доступность жилья; уровень развития культурной сферы; уровень экологической безопасности; уровень развития транспортной инфраструктуры; состояние сферы жилищно-коммунального хозяйства; интегральный показатель качества жизни.

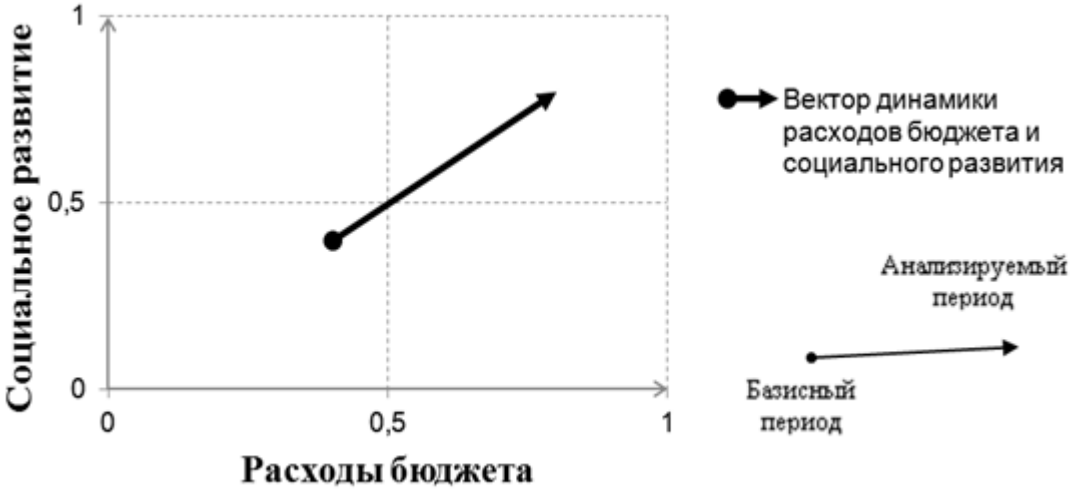

Рис.1. Динамика влияния расходов бюджета на социальное развитие

На втором этапе необходимо проанализировать показатели расходов бюджетов изучаемых муниципальных образований. Для этого необходимо рассчитать абсолютные показатели расходов бюджета на душу населения по каждому изучаемому региону за соответствующие периоды, а затем преобразовать их в относительные показатели.

Для преобразования расходов бюджета на душу населения в относительные показатели примем в качестве базисных значений максимальные и минимальные значения по территориальным образованиям РТ за 2007 год, тогда приведенный показатель расходов бюджета на душу населения будет определяться по формуле 1:

$$Xn = (XN - Xmin) / (Xmax - Xmin), \quad (1)$$

где Xn – приведенный показатель расходов бюджета на душу населения в соответствующий период;

XN – абсолютная величина соответствующих расходов бюджета на душу населения в соответствующий период;

Xmin – минимальное значение соответствующих расходов бюджета на душу населения по всем территориальным образованиям;

Xmax – максимальное значение соответствующих расходов бюджета на душу населения по всем территориальным образованиям.

Осуществив вышеуказанные расчеты в целом по расходам и по отдельным направлениям расходов, получим результаты по следующим направлениям:

1) Интегральный показатель качества жизни;
2) Расходы бюджета;
3) Состояние здравоохранения;
4) Расходы бюджета на здравоохранение;
5) Уровень развития физкультуры и спорта;
6) Расходы бюджета на физическую культуру и спорт;
7) Качество образования;
8) Расходы бюджета на образование;
9) Уровень развития культурной сферы;
10) Расходы бюджета на культуру;
11) Состояние сферы ЖКХ;
12) Расходы бюджета на ЖКХ.

Таким образом, совокупность полученных результатов можно будет отображать в виде матриц Качество жизни / Расходы бюджета (рис 1).

На основе разработанной методики оценки эффективности бюджетной политики муниципальных образований проведем оценку эффективности бюджетной политики муниципальных образований Республики Татарстан на примере 2007 - 2010 годов. В Республике Татарстан выделяется 45 муниципальных образований, наиболее крупными из них являются МО «Городской округ Казань», МО «Городской округ Набережные Челны» и Зеленодольский муниципальный район. На их примере разберем предлагаемую методику.

Итак, на первом этапе необходимо определить интегральный показатель качества жизни населения по изучаемым муниципальным образованиям.

В качестве интегрального показателя качества жизни населения в разное время предлагалось использовать национальный доход на душу населения, долю расходов на питание в общих расходах домохозяйства, относительный коэффициент смертности, среднюю продолжительность жизни населения, показатель свободного времени и так далее. Позднее были предприняты попытки разработать комплексные интегральные показатели качества жизни территорий. Примером может служить предложенный российскими статистиками «индикатор напряженности», в международной статистической практике - комплексный индекс, предложенный Исследовательским Институтом Социального Развития Организации Объединенных Наций, в Соединенных Штатах Америки активно применяется упрощенный подход к расчету интегрального показателя качества

жизни с помощью индекса нищеты. Таким образом, интегральный показатель качества жизни по-разному определялся в разное время различными авторами. В целях проводимого нами исследования наиболее подходящим является расчет интегрального показателя качества жизни населения по методике разработанной в Республике Татарстан Ахмадиевой Г.Г. и Султановой Д.Ш. [13]. Данный выбор обусловлен тем, что эта методика расчета рассматривает широкий набор факторов социального развития и позволяет отобразить результат в целях сопоставления на предлагаемой нами матрице «Социальное развитие/Расходы бюджета». Согласно этой методики для расчета интегрального показателя качества жизни населения используются показатели, характеризующие: уровень жизни, состояние здравоохранения, уровень развития физической культуры и спорта, качество образования, доступность жилья, уровень развития культурной сферы, уровень экологической безопасности, уровень развития транспортной инфраструктуры, состояние сферы ЖКХ. По каждому абсолютному показателю определяется относительный показатель по формуле, аналогичной формуле 1. Затем определяется относительный показатель по каждой вышеперечисленной группе путем расчета среднего арифметического. Интегральный показатель качества жизни определяется путем сложения полученных значений с учетом весовых коэффициентов: 0,2 для групп: состояние здравоохранения, уровня жизни, уровня образования; 0,1 для остальных групп. Воспользуемся полученными данными в части значений интегрального показателя качества жизни населения анализируемых нами муниципальных образований. Указанные данные приведены в таблице 1 [13].

Таблица 1

Показатели социального развития муниципальных образований Республики Татарстан за 2007 - 2010 годы

Муниципальное образование Республики Татарстан	Год	Интегральный показатель качества жизни населения
МО г. Казань	2007	0,5122
	2008	0,6351
	2009	0,5449
	2010	0,6180
МО г. Набережные Челны	2007	0,5548
	2008	0,5661
	2009	0,5459
	2010	0,6496
Зеленодольский МР	2007	0,3670
	2008	0,3668
	2009	0,3340
	2010	0,4594

На втором этапе, для обеспечения возможности отображения на одной матрице расходов бюджетов муниципальных образований с разной численностью населения (таблица 2), преобразуем расходы бюджета на душу населения в суммовом выражении в относительные показатели, рассчитав приведенный показатель расходов бюджета по формуле 1.

Таблица 2

Расходы местного бюджета муниципальных образований Республики Татарстан за 2007 - 2010 годы (тыс. руб.)

Муниципальное образование Республики Татарстан	Год	Расходы бюджета на здравоохранение	Расходы бюджета на развитие физкультуры и спорта	Расходы бюджета на образование	Расходы бюджета на культуру, кинематография и СМИ	Расходы бюджета на ЖКХ	Расходы бюджета на оборону, политику, общегосударственные вопросы и прочее	Всего расходов
МО г. Казань [11]	2007	1716192	466830	4965372	473714	3715864	5186051	14807830
	2008	1510317	1345853	6644056	327901	4266492	5776450	18360752
	2009	1304442	2224876	8322741	182087	4817121	6366849	21913673
	2010	1098566	3103898	10001425	36274	5367750	6957247	25466595
МО г. Набережные Челны [10]	2007	412196	61505	2083800	116352	694656	1620221	4576534
	2008	391144	33730	2673165	113801	1383146	1614141	5817983
	2009	370091	5956	3262529	111249	2071636	1608061	7059431
	2010	349038	21819	3851893	108698	2760126	1601981	8300879
Зеленодольский МР [9]	2007	120415	5738	485097	37384	77001	382726	987946
	2008	254342	16091	758743	65284	352399	578512	1771029
	2009	388269	26444	1032389	93184	627796	774299	2554113
	2010	522195	36797	1306035	121085	903194	970085	3337196

Осуществив вышеуказанные расчеты по общей величине расходов бюджета муниципальных образований Республики Татарстан за 2007 - 2010 годы, получим следующие результаты (таблица 3).

По данным таблиц 1 и 3 составим матрицу «Социальное развитие/Расходы бюджета» согласно рис. 1.

По результатам применения предложенной методики, можно выделить муниципальные образования, бюджетная политика которых за рассматриваемы период, на наш взгляд, имела стратегические преимущества и привела к наилучшим результатам (повышению качества жизни).

Из рисунка 2 видно, что в 2008 году по сравнению с 2007 годом существенное изменение в расходах бюджета было по Зеленодольскому муниципальному району при этом качество жизни населения не изменилось.

Таблица 3

Приведенные показатели расходов бюджета на душу населения муниципальных образований Республики Татарстан за 2007 - 2010 годы

Муниципальное образование Республики Татарстан	Год	Приведенный показатель расходов бюджета на душу населения
МО г. Казань	2007	0,3403
	2008	0,4908
	2009	0,6414
	2010	0,5890
МО г. Набережные Челны	2007	0,1392
	2008	0,2569
	2009	0,3745
	2010	0,3082
Зеленодольский МР	2007	0,0000
	2008	0,2406
	2009	0,4811
	2010	0,2887

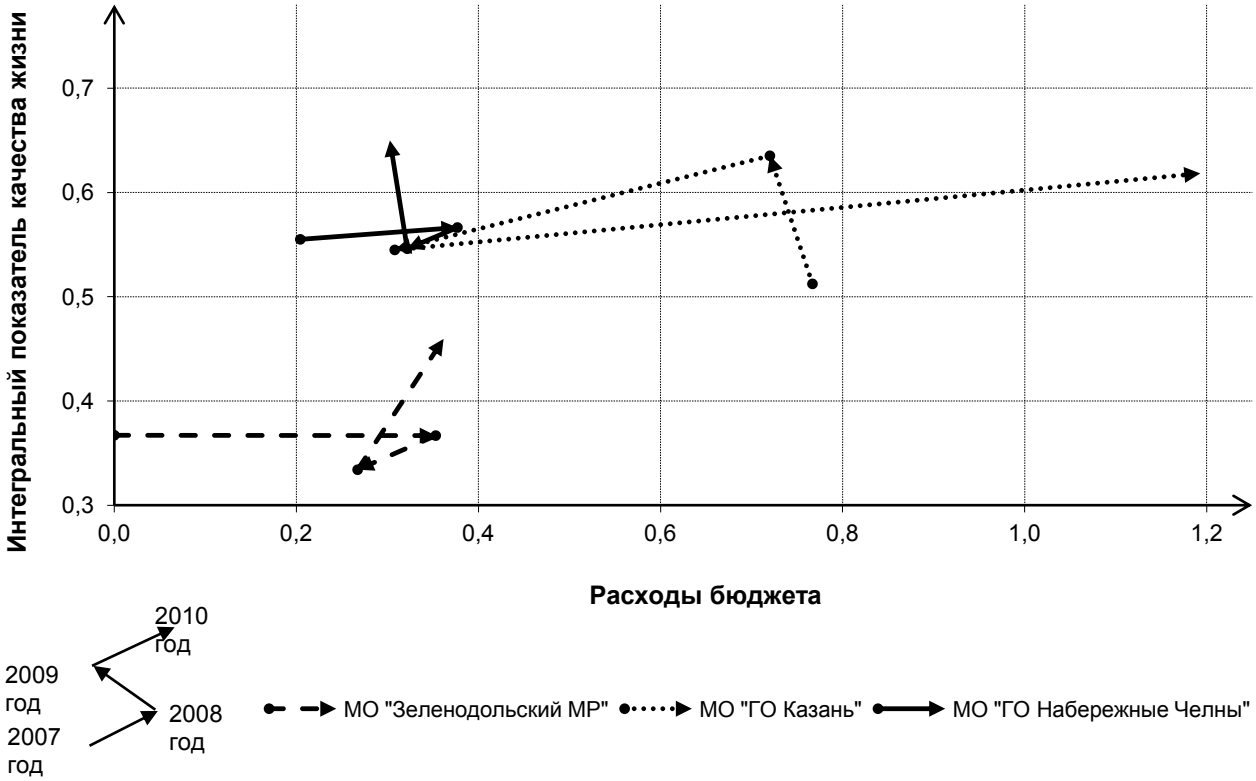

Рис. 2. Влияние расходов бюджета на социальное развитие (качество жизни населения) муниципальных образований Республики Татарстан за 2007-2010 гг.

В МО «ГО Казань» расходы бюджета были сокращены незначительно, а качество жизни при этом возросло. В Зеленодольском муниципальном районе существенных изменений ни в расходах бюджета, ни в показателях качества жизни населения не было. В 2009 году по сравнению с 2008 годом во всех рассматриваемых муниципалитетах наблюдалась примерно одинаковая ситуация, а именно: сокращение расходов бюджета и соответственное падение показателя качества жизни населения. В 2010 году по сравнению с 2009 годом резко возросли бюджетные расходы МО «ГО Казань», а показатель качества жизни населения увеличился незначительно. Пропорциональный рост расходов бюджета и качества жизни населения в 2010 году был в Зеленодольском муниципальном районе. Обратная пропорциональность наблюдается в МО «ГО Набережные Челны», а именно: при сокращении бюджетных расходов наблюдается рост качества жизни населения

Таким образом, эффективность бюджетной политики в рассматриваемых муниципальных образованиях следующая: в МО «Городской округ Набережные Челны изменения в расходах больше, чем в социальном развитии; изменения однонаправлены, политика эффективна. В МО «Городской округ Казань» и Зеленодольском муниципальном районе - изменения в расходах больше, чем в социальном развитии; изменения разнонаправлены. Бюджетная политика не эффективна, требует доработок. Это крупные муниципальные образования со сравнительно большой численностью населения, они имеют важное стратегическое значение для развития Республики Татарстан в целом, поэтому развитие и совершенствование их бюджетной политики должно стать примером для остальных муниципалитетов.

Таким образом, предложенная методика позволила наглядно выявить влияние расходов бюджета на социальное развитие муниципальных образований. Используя полученные результаты, можно наиболее оптимально определить направления развития территорий, необходимые для их эффективного функционирования и одновременного обеспечения высокого уровня качества жизни населения. Используя данную методику, мы предлагаем проводить оценку эффективности бюджетной политики муниципальных образований. Преимущество данной методики заключается в сопоставлении расходов бюджета муниципалитета с качеством жизни населения этой же территории. На наш взгляд, именно такой подход к оценке эффективности бюджетной политики будет способствовать наилучшему отражению предлагаемого нами критерия эффективности как степени достижения социально-экономических целей муниципального образования при минимизации объема средств.

Список литературы

1. Анализ межбюджетных отношений в интересах общественности (На примере муниципальных образований Новосибирской области). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.budgetrf.ru.

2. Бабайцев А. А. Бюджетная политика в сфере расходных полномочий субъекта Российской Федерации и муниципального образования: Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10/ Волгоград, 2004. - 191 с.

3. Берездивина Е.В. Система показателей результативности субъекта бюджетного планирования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.politanaliz.ru/art_list_90.html.

4. Бюджетный кодекс Российской Федерации / Справочно-правовая система «Гарант». [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис».

5. Клисторин В. И. Методические рекомендации по анализу бюджетного процесса и бюджета муниципального образования / Спб.: Питер, 2006. – 49 с.

6. Ковалева Т. М. Бюджетная политика современной России и ее реализация на субфедеральном уровне: Дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.10/ Саратов, 2003. - 418 с.

7. Постановление Правительства РФ от 23 ноября 2005 г. № 694 «Об Инвестиционном фонде Российской Федерации» / Справочно-правовая система «Гарант». [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис».

8. Приказ Минэкономразвития РФ от 23 мая 2006 г. № 139/ 82н «Об утверждении Методики расчета показателей и применения критериев эффективности инвестиционных проектов, претендующих на получение государственной поддержки за счет средств Инвестиционного фонда Российской Федерации» / Справочно-правовая система «Гарант». [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис».

9. Решение Совета Зеленодольского муниципального района «О бюджете Зеленодольского муниципального района на 2007, 2008, 2009, 2010 года» / Справочно-правовая система «Гарант». [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис».

10. Решение Совета городского округа Набережные Челны «О бюджете городского округа Набережные Челны на 2007, 2008, 2009, 2010 года» / Справочно-правовая система «Гарант». [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис».

11. Решение Совета городского округа Казань «О бюджете городского округа Казань на 2007, 2008, 2009, 2010 года» / Справочно-правовая система «Гарант». [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис».

12. Сильвестрова Т.В. Критерии оценки эффективности использования бюджетных средств при современной модели управления бюджетными ресурсами // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. 2010. №8. С. 12-25.

13. Султанова Д.Ш., Ахмадиева Г.Г. Стратегическое управление территориальными экономическими системами / Казань: Центр инновационных технологий, 2009. – 252 с.

14. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 27.07.2010) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 16.09.2003)/ / Справочно-правовая система «Гарант». [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис».

15. Шипилова Е.В. Приоритеты в оценке эффективности расходов бюджета при проведении внешнего контроля регионального бюджета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.openbudget.karelia.ru.

Bibliography

1. The analysis of the interbudgetary relations in interests of the public (On an example of municipalities of the Novosibirsk region). [Electronic resource]. – Access mode: http://www.budgetrf.ru.

2. Babaytsev A. A. The budgetary policy in the sphere of account powers of the subject of the Russian Federation and municipality: Dis.... edging. econ. sciences: 08.00.10/Volgograd, 2004. - 191 pages.

3. Berezdivina E.V.Sistema of indicators of productivity of the subject of the budgetary planning. [Electronic resource]. – Access mode: www.politanaliz.ru/art_list_90.html.

4. Budgetary code of the Russian Federation / Legal-reference system «Garant». [Electronic resource] / NPP Garant Service.

5. Klistorin V. I. Methodical recommendations about the analysis of the budgetary process and budget of municipality / SPb.: St. Petersburg, 2006. – 49 pages.

6. Kovalyova T. M. The budgetary policy of modern Russia and its realization at subfederal level: Dis.... Dr.s econ. sciences: 08.00.10/Saratov, 2003. - 418 pages.

7. The resolution of the government of the Russian Federation from November 23, 2005 of No. 694 «About Investment fund of the Russian Federation» / Legal-reference system «Garant». [Electronic resource] / NPP Garant Service.

8. The order of Ministry of Economic Development and Trade of the Russian Federation from May 23, 2006 of No. 139/82n «About the statement of the Design procedure of indicators and applications of criteria of efficiency of the investment projects applying for receiving the state

support at the expense of means of Investment fund of the Russian Federation» / Legal-reference system «Garant». [Electronic resource] / NPP Garant Service.

9. The decision of Council of the Zelenodolsky municipal area «About the budget of the Zelenodolsky municipal area on 2007, 2008, 2009, 2010» / Legal-reference system «Garant». [Electronic resource] / NPP Garant Service.

10. The decision of Council of the city district Naberezhnye Chelny «About the budget of the city district Naberezhnye Chelny on 2007, 2008, 2009, 2010» / Legal-reference system «Garant». [Electronic resource] / NPP Garant Service.

11. The decision of Council of the city district Kazan «About the budget of the city district Kazan on 2007, 2008, 2009, 2010» / Legal-reference system «Garant». [Electronic resource] / NPP Garant Service.

12. Silvestrova T.V. Criteria of an assessment of efficiency of use of budgetary funds at modern model of management of the budgetary resources//Topical issues of accounting and the taxation. 2010. No. 8. Page 12-25.

13. Sultanova D. Sh., Akhmadiyeva G.G. Strategic management territorial economic systems / Kazan: Center of innovative technologies, 2009. – 252 pages.

14. The federal law from 06.10.2003 N 131-FZ (an edition from 27.07.2010) «About the general principles of the organization of local government in the Russian Federation» (GD FS Russian Federation 16.09.2003 is accepted) / / Legal-reference system «Garant». [Electronic resource] / NPP Garant Service.

15. Shipilov E.V. Priorities in an assessment of efficiency of expenses of the budget at carrying out external control of the regional budget. [Electronic resource]. – Access mode: www.openbudget.ka.

УДК: 349.4:339(100)(470)

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ЧЛЕНСТВА РОССИИ В ВТО

Р.А. Иксанов

ФГБОУВПО Башкирский ГАУ

В статье рассматриваются вопросы, с которыми может столкнуться система арбитражных судов РФ при рассмотрении споров с участием сельскохозяйственных товаропроизводителей в условиях членства России в ВТО, анализируются условия осуществления арбитражной практики по рассмотрению споров, возникающих из административных правоотношений, а также с участием иностранных компаний.

Ключевые слова: арбитраж, ВТО, сельское хозяйство, товаропроизводитель, механизм рассмотрения споров

UDC: 349.4:339 (100) (470)

PROBLEMS OF THE JUDICIAL PROTECTION OF THE RIGHTS OF AGRICULTURAL PRODUCERS IN RUSSIA'S WTO MEMBERSHIP

R.A. Iksanov

Bashkir State Agrarian University

The questions facing the system of arbitration courts of the Russian Federation in disputes involving agricultural producers in Russia's membership in the WTO, analyzes the conditions of the arbitration practice to address disputes arising from administrative legal relations, as well as foreign companies.

Keywords: arbitration, WTO, agriculture, commodity producer, the mechanism of dispute resolution

Введение. 21 июля 2012 года был подписан Федеральный закон № 126-ФЗ «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» [1]. Теперь Российская Федерация является полноправным членом ВТО.

Известно, что ВТО обеспечивает регулирование международной торговли товарами, в том числе и сельскохозяйственными. Правовой основой данного регулирования являются Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 г. [2] и Соглашение по сельскому хозяйству [3]. Межгосударственные споры, возникающие в результате нарушения этих обязательств, требуют наличия эффективного механизма их разрешения. В результате в рамках ВТО создана единая для всех многосторонних соглашений ВТО система разрешения споров.

Механизм разрешения межгосударственных споров в системе ВТО основан на ст. XXII ГАТТ, на «Договоренности об уведомлениях, консультациях, урегулировании споров и наблюдений», принятой 28.12.1979 г. по итогам Токийского раунда переговоров государств — участников ГАТТ (с уточнениями и дополнениями от 29.11.1982 г., 30.11.1984 г.), а также на «Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров», принятой по итогам Уругвайского раунда переговоров.

Существующий в системе ВТО механизм разрешения споров носит характер межгосударственного, в связи с чем существует необходимость понимания того, что споры будут разрешаться между самими странами-участницами ВТО, а не между предприятиями и организациями этих государств.

Между тем членство России во Всемирной торговой организаций несомненно коснется и арбитражной практики РФ рассмотрения дел с участием сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Цель работы. Выявление и анализ имеющихся проблем судебной защиты прав сельскохозяйственных товаропроизводителей в условиях членства России в ВТО.

Материалы и методы исследования. Материалом для исследования служат положения международных нормативно-правовых актов, содержащих нормы, непосредственно регулирующих отношения, связанных с правовой защитой сельского хозяйства, статистика арбитражных судов. Методами исследования являются анализ норм права, статистической информации, прогнозирование.

Результаты исследования и их обсуждение. На вопрос, как повлияет ВТО на количество дел в суде, однозначно ответить нельзя. С одной стороны, вступление в ВТО негативно скажется на малом и среднем бизнесе, потому что будет большая конкуренция. Бизнеса самого по себе станет меньше, поэтому споров как таковых должно стать меньше. Однако несомненно увеличение дел по несостоятельности и банкротству российских сельскохозяйственных предприятий. Если в период мирового финансового кризиса количество дел о банкротствах сельхозпредприятий резко возросло, то за последние два года количество таких дел относительно стабилизировалось. Аграрии наконец восстановились после кризиса и

небывалой аномальной засухи лета 2010 года, и в суд поступают незначительное количество дел о признании сельхозпредприятий банкротом. Так, в производстве Арбитражного суда Республики Башкортостан сегодня находится порядка 1132 дела по банкротству[4]. Причем, значительная доля банкротных дел связана с заявлениями о несостоятельности фактически уже ликвидированных предприятий, имеющих долги. Вполне вероятно, что обострение конкурентной борьбы, связанной с вступлением в ВТО, приведет к увеличению количества банкротств сельскохозяйственных предприятий. В связи с чем возникает необходимость выработки мер, направленных на недопущение массового банкротства сельскохозяйственных товаропроизводителей.

В связи с выходом отечественных производителей на внешний рынок прогнозируется также увеличение количества арбитражных споров с участием иностранных компаний. Сегодня количество таких споров в арбитражной системе Республики Башкортостан считанные единицы. Рассмотрение судебных дел с участием нерезидентов имеет свои особенности. Так, существует определенный порядок извещения иностранного участника о дате рассмотрения дела, предусмотренный ст.253 АПК РФ [6]. Извещение направляется через органы юстиции или другие компетентные органы иностранного государства, что занимает длительное время. Безусловно, возникнет необходимость внесения соответствующих изменений в арбитражное процессуальное законодательство Российской Федерации.

Следующая проблема – увеличение споров бизнеса с властью, которое прогнозируют юристы арбитражной системы. Так, за 8 месяцев 2012 года Арбитражным судом Республики Башкортостан всего рассмотрено примерно 15,2 тыс. арбитражных дел [5]. При этом увеличение количества рассмотренных дел по сравнению с аналогичным периодом прошлого года происходит за счет споров, возникающих из административных правоотношений. Остается риторическим вопрос: будут ли готовы к вступлению в ВТО наши административные органы и их практика? На первых порах здесь также могут возникать проблемы. Надо будет пересматривать свои подходы к этим вопросам. Кроме того, нельзя забывать, что возможны эволюционные изменения практики по спорам по интеллектуальной собственности.

Вполне логично предположить, что вместе со вступлением России в ВТО на российский рынок придут и иностранные юридические услуги, появятся иностранные юристы в арбитражной системе. Как это отразится на рынке юридических услуг, прогнозировать трудно. Представляется, что иностранные специалисты лучше подготовлены к международным экономическим спорам. У российских коллег возникнет необходимость более тщательной подготовки к судебным процессам, более детального

изучения арбитражного законодательства и не только, нормативных актов, регулирующих взаимоотношения между отечественными и зарубежными партнерами.

Членство во ВТО предполагает, что РФ будет играть по международным правилам. Изменятся требования к производителям и поставщикам. Уверен, в первое время будет масса нарушений. Частично нарушения будут происходить из-за недостаточного знания. Частично они будут происходить потому, что ряд руководителей будет осуществлять свою деятельность по-старому, надеясь на «авось проскочит». Когда меняется законодательство, количество нарушений всегда увеличивается.

Вместе с тем, не все иностранные участники захотят рассматривать дела в России. К сожалению, доверие иностранных участников к российским судам невелико. Поэтому, если и произойдет увеличение споров, рассматриваться такие споры будут, скорей всего, за границей. Иностранные участники предпочтут применять свое собственное право и будут включать в текст договора условия о рассмотрении споров в суде соответствующего государства. Таким образом, если и произойдет увеличение дел, то оно будет небольшим. Особенно мало влияние будет на Арбитражный суд Республики Башкортостан.

Заключение. На наш взгляд, основной и главной проблемой защиты прав сельскохозяйственных товаропроизводителей в условиях членства России во ВТО является создание механизма их финансового оздоровления, а также разработка мер, направленных на смягчение негативных последствий, вызванных выходом на внешний рынок.

Список литературы

1. О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г. № 126-ФЗ : федер. закон [принят Гос. Думой 10 июля 2012г. : одобр. Советом Федерации 18.07.2012г.]:/»Российская газета» №166, 23.07.2012г.

2. Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 г. [Электронный ресурс]: URL: http://vavt.ru/wto/wto/GATT-1994 (дата обращения: 20.10.2012).

3. Соглашение по сельскому хозяйству [Электронный ресурс]: URL: http://vavt.ru/wto/wto/AgricultureAgreement(дата обращения:20.10.2012).

4. Статистика работы арбитражных судов [Электронный ресурс]: URL: http://stat.pravo.ru (дата обращения: 20.10.2012).

5. Арбитражно-процессуальный кодекс РФ Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]: URL:http://www.pravo.gov.ru (дата обращения:20.10.2012).

6. Статистика работы арбитражных судов [Электронный ресурс]: URL: http://stat.pravo.ru (дата обращения:20.10.2012).

Bibliography

1. O ratifikacii Protokola o prisoedinenii Rossijskoj Federacii k Marrakeshskomu soglasheniju ob uchrezhdenii Vsemirnoj torgovoj organizacii ot 15 aprelja 1994 g. № 126-FZ : feder. zakon [prinjat Gos. Dumoj 10 ijulja 2012g. : odobr. Sovetom Federacii 18.07.2012g.]:/»Rossijskaja gazeta» №166, 23.07.2012g.

2. General'noe soglashenie po tarifam i torgovle 1994 g. [Jelektronnyj resurs]: URL: http://vavt.ru/wto/wto/GATT-1994 (data obrawenija: 20.10.2012).

3. Soglashenie po sel'skomu hozjajstvu [Jelektronnyj resurs]: URL: http://vavt.ru/wto/wto/AgricultureAgreement (data obrawenija:20.10.2012).

4. Statistika raboty arbitrazhnyh sudov [Jelektronnyj resurs]: URL: http://stat.pravo.ru (data obrawenija: 20.10.2012).

5. Arbitrazhno-processual'nyj kodeks RF Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [Jelektronnyj resurs]: URL:http://www.pravo.gov.ru (data obrawenija:20.10.2012).

6. Statistika raboty arbitrazhnyh sudov [Jelektronnyj resurs]: URL: http://stat.pravo.ru (data obrawenija:20.10.2012).

УДК: 314.424

ТЕНДЕНЦИИ СМЕРТНОСТИ ОТ ВНЕШНИХ ПРИЧИН СМЕРТИ В РОССИИ В 1990-2010 гг.

В.В. Юмагузин

ГОУ ВПО «Государственный академический университет гуманитарных наук»

Цель работы – охарактеризовать тенденции смертности от внешних причин в России в 1990-2010 гг. и определить место этих причин в структуре смертности в России и в развитых странах. При оценке травматической смертности использовался анализ таких показателей, как абсолютные числа умерших, общие коэффициенты смертности, возрастные коэффициенты смертности, стандартизованные коэффициенты смертности по причинам смерти и показатели таблиц смертности по причинам смерти.

Ключевые слова: демография; смертность; внешние причины смерти; смертность от внешних причин; Россия; убийства; самоубийства; транспортные несчастные случаи; ожидаемая продолжительность жизни.

UDC: 314.424

EXTERNAL-CAUSE MORTALITY TRENDS IN RUSSIA, 1990-2010

V. Yumaguzin

State Academical University of Humanitarian Sciences, Moscow

The purpose of the article is to describe the tendency of external causes mortality in Russia in 1990-2010 and determine the place of these causes in the mortality structure in Russia and in developed countries. There was used the analysis of such indicators as the absolute number of deaths, crude death rate, age-specific mortality rates, standardized mortality rates by cause of death and variables of life tables by causes of deaths in assessing traumatic mortality.

Key words: demography; mortality; external causes of death; external-cause mortality; Russia; homicide; suicides; traffic accidents; life expectancy.

Внешние причины смерти включает в себя такие причины, как убийства и самоубийства, несчастные случаи (транспортные и производственные, утопления, пожары, падения с высоты), отравления (в том числе случайные отравления алкоголем) и другие. Смертность от внешних причин также называют травматической или насильственной, так как люди погибают не от болезней и не естественной смертью.

С 1960-х годов смертность от внешних причин смерти вместе со смертностью от болезней системы кровообращения и новообразований образовали триаду причин смерти, определявших общую смертность в мире, в том числе и в России. Вместе с тем в 1990-е гг. во всех постиндустриальных странах с наиболее высоким показателем ожидаемой продолжительности жизни внешние причины уступили свое место эндогенным причинам, то есть тем, которые обусловлены состоянием организма, естественным старением. В то же время в России вклад травматической смертности в общую смертность не только не сократился, но и в некоторые годы увеличивался. Смертность от внешних причин в России значительно превосходит показатели европейских стран и соседствует с показателями слаборазвитых африканских и азиатских стран.

Цель работы – охарактеризовать тенденции смертности от внешних причин в России в 1990-2010 гг. и определить место этих причин в структуре смертности в России и в развитых странах.

Смертность от внешних причин, как и смертность от любой другой причины, можно проанализировать с помощью различных показателей. Так, возможно использование следующих показателей:

- абсолютные числа умерших,
- общие коэффициенты смертности,
- возрастные коэффициенты смертности,
- стандартизованные коэффициенты смертности по причинам смерти,
- показатели таблиц смертности по причинам смерти.

Однако стоит отметить, что каждый из них обладает своими достоинствами и недостатками. Поэтому очень важно грамотно интерпретировать полученные результаты. Для того чтобы иметь полное представление о ситуации со смертностью от внешних причин необходимо использовать весь доступный демографический инструментарий.

Анализ *абсолютных чисел умерших* показывает, что в 1990-2010 гг. динамика смертей от внешних причин и общей смертности населения имела сходство. Для этого периода характерны значительные колебания обоих показателей (рис. 1). Только в 1990 г. число умерших от внешних причин было меньше 200 тыс. человек, и достигало максимума в 1994 г. – 368 тыс. человек. Очередной рост

травматической смертности наблюдался в 1998-2002 гг. Одной из наиболее обоснованных причин увеличения смертности от внешних причин в 1990-1994 гг. и 1998-2002 гг. является рост потребления алкоголя, в т. ч. суррогатного [15, 12, 11].

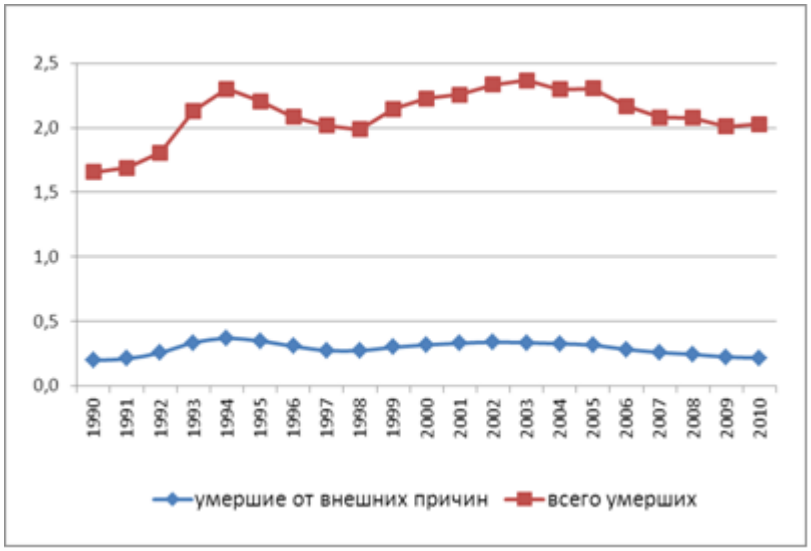

Рис. 1. Абсолютное число умерших в России, 1990-2010 гг., млн чел., [9]

Однако данный повторный рост в 2002 г. имел несколько меньшее превышение над уровнем 1990 г., чем в 1994 г.: 1,71 против 1,89. С 2005 г. возврат к уровню 1990 г. стал более стремительным, однако все еще его не достиг. В среднем ежегодное число смертей от внешних причин составило около 290 тыс. человек, а в целом за 1990-2010 гг. от этого класса причин умерло более 6 млн человек, в то время как общее число умерших от всех причин смерти было равно почти 44 млн человек.

При анализе абсолютных чисел умерших значение травматической смертности не всегда осознается, потому что в течение длительного времени в России, как и в других странах, по числу смертей насильственная смерть занимала третье место среди причин смерти. По абсолютному количеству обусловленных ею смертей она и в 2010 г. намного уступала смертности от болезней системы кровообращения и даже новообразований: если от болезней системы кровообращения умерло 1152 тыс. человек, от новообразований 293 тыс. человек, то от внешних причин - всего 217 тысяч (рис. 2). «Занимая, таким образом, третье место среди причин смерти, внешние причины нередко привлекают и третьестепенное внимание» [4].

Вместе с тем стоит отметить, что в течение последних почти двух десятилетий ситуация сильно изменялась: насильственная смертность одиннадцать раз (в 1993-1996 и в 1999-2005 гг.) оказывалась на втором месте, а значит, число смертей от внешних причин превышало даже

число смертей от новообразований. В сравнении с остальными основными классами причин смерти внешние причины вносят несравнимо больший вклад в общую смертность.

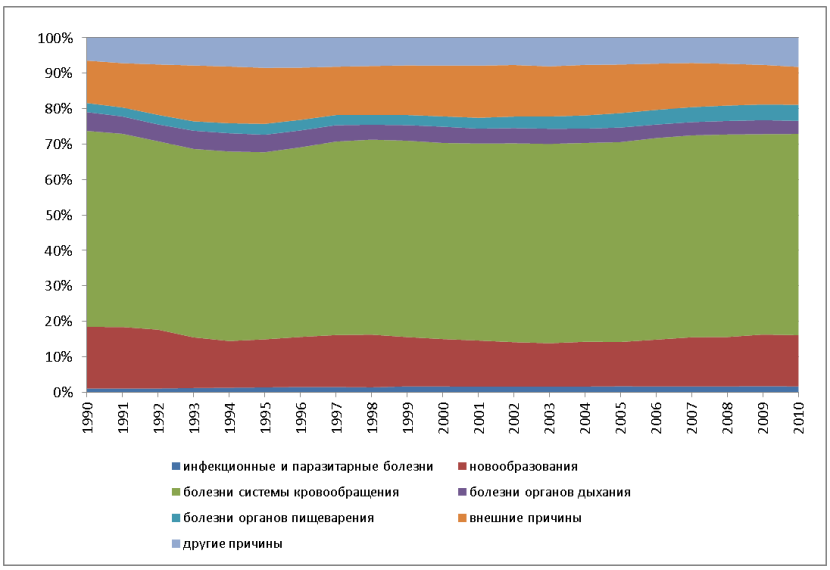

Рис. 2. Структура абсолютных чисел умерших по основным классам причин смерти в России, 1990-2010 гг., %, [9]

Анализ доли умерших от внешних причин среди всех умерших указывает на значительное превышение этого показателя в России в сравнении с другими развитыми странами, что является специфической российской особенностью. Если в начале XX века в России от внешних причин ежегодно умирало около 40 тыс. человек, и это составляло чуть больше 1% всех умерших [8, с. 342], то сейчас в России от внешних причин в среднем умирает около 290 тыс. человек, и это составляет в среднем 14% всех умерших, а в некоторые годы и более (рис. 3). В европейских же странах доля смертей от внешних причин принципиально не менялась, составляя в мирное время 6-8% [4]. На рисунке 3 видно, что в России к 2010 г. доля смертей от внешних причин уменьшилась до 11%, однако она продолжает оставаться очень высокой.

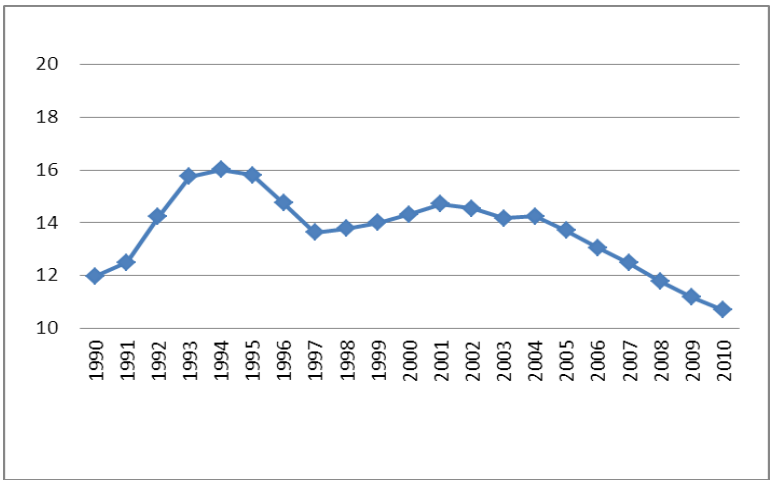

Рис. 3. Доля насильственных смертей в общем числе смертей, 1990-2010 гг., % расчеты автора по данным [9]

Благодаря расчетам Института Демографии НИУ ВШЭ, основанным на многочисленных источниках и материалах, был рассчитан *коэффициент смертности от внешних причин* в России, начиная с 1870 г. (рис. 4).

Данный показатель в России непрерывно рос – и тогда, когда общий коэффициент смертности на протяжении ста лет постепенно, хотя и с перерывами, снижался, и тогда, когда он стал увеличиваться. «Этот рост насильственной смертности внес очень большой вклад в общее повышение смертности в России в последней трети XX века» [8, с. 342]. Если в 1875 г. отношение одного показателя к другому было равно 1:85, то через столетие – уже 1:7, а в 1990 и 2010 гг. – 1:8 и 1:9 соответственно.

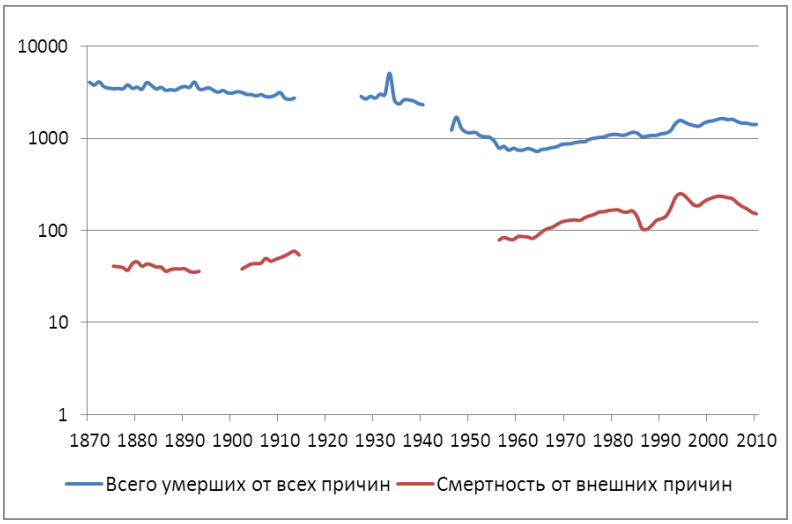

Рис. 4. Общий коэффициент смертности от всех причин и от внешних причин (на 100000 населения), Российская Империя - РСФСР - Россия, 1870-2010 гг. (логарифмическая шкала), [4, 9]

Следует особенно подчеркнуть, что в Концепции развития здравоохранения до 2020 г., а также в своих аналитических материалах [10, 0] Министерство здравоохранения ограничивается анализом вышеприведенных показателей – абсолютным числом смертей по причинам смерти и общим коэффициентом смертности. Безусловно, эти показатели несут определенную информацию о положении дел с этим видом смертности. Они показывают, например, что смертность в России существенно выше, чем в европейских странах, говорят о росте вклада внешних причин в общую смертность и т.п. Тем не менее, их аналитические возможности недостаточны, в частности они не позволяют судить о том, насколько отмеченные различия связаны с самим уровнем смертности, а насколько – с возрастным составом населения в сравниваемых странах и годах. То есть они зависят от возрастной структуры населения. В целом учет одних лишь данных показателей ведет к недооценке травматической смертности в России. Такая недооценка очень дорого обходится российскому обществу, ведь травматической смертности значительно сильнее, чем смертности от болезней, подвержены дети, молодежь и взрослые люди в возрасте до 45 лет. Несмотря на то, что она является не первой по значению причиной, которая определяет общий уровень смертности, «внешние причины везде занимают первое место среди причин преждевременной смертности» [8, с. 359].

Более информативны данные о возрастной смертности от внешних причин. По своему возрастному распределению смертность от внешних причин резко отличается от остальной смертности. Хотя от года к году вклад насильственной смертности в общую смертность в различных возрастах может несколько изменяться, но общая закономерность остается неизменной: доля этого вида смертей во всех смертях нарастает к 20-24 годам, когда смертность от болезней невелика, а затем начинает сокращаться - но не потому что насильственных смертей становится меньше, а потому что нарастает смертность от болезней [8, с. 353] (рис. 5).

Длительное время концентрация смертей от внешних причин у обоих полов в России приходилась на возрастную группу 20-24 года, однако, начиная с профилей 2003 г., максимум у мужчин смещается на группу 15-19 лет, - то есть смертность от внешних причин «омолаживается», тогда как в развитых странах происходит ее оттеснение к старшим возрастам [4]; у женщин максимум в 20-24 года сохраняется.

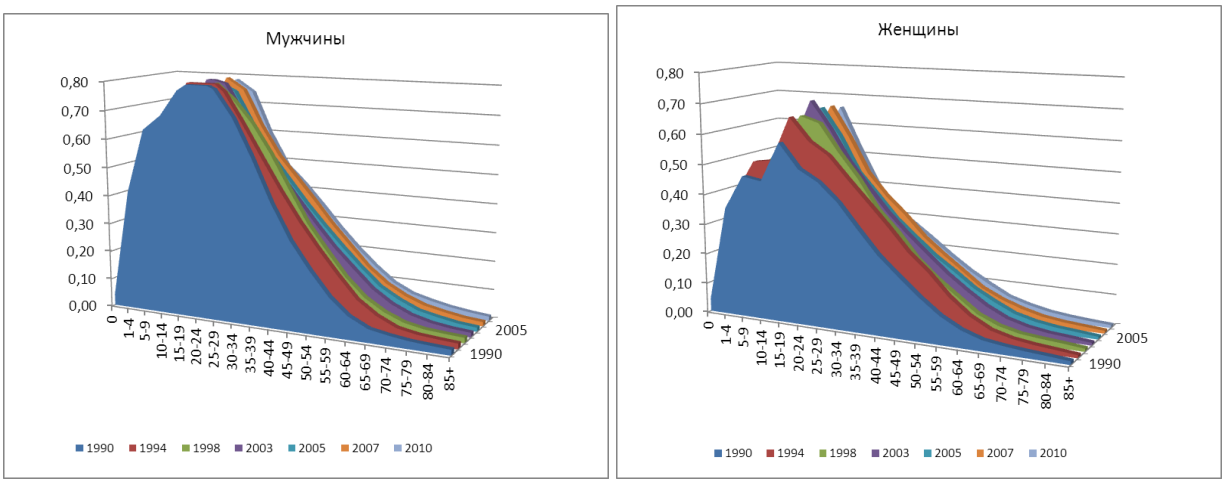

Рис. 5. Доля смертей от внешних причин во всех смертях по возрасту и полу, Россия, 1990-2010 гг. расчеты автора по данным [9]

Что касается *возрастных коэффициентов смертности*, то можно увидеть (рис. 6), что смертность от внешних причин, достигнув минимума в возрасте 5-14 лет, увеличивается и достигает максимума в средних возрастах (от 25 до 65 лет), затем снижается и вновь растет уже в старости. В то же время для смертности от болезней после прохождения точек минимума в том же возрасте характерен постоянный рост показателей с возрастом до самых поздних возрастов. На графике это выглядит как выпуклость – «горб травматической сверхсмертности». Рост смертности от внешних причин выражается, в основном, в выбухании этого «горба» (особенно это было заметно в 1994-1995 гг.), сокращение насильственной смертности - в его опадании, как это было, например в 2007 или 2010 гг. (рис. 6). Следует отметить, что у мужчин «горб сверхсмертности» в трудоспособных возрастах намного больше, чем в самых старших возрастах. У женщин аналогичный «горб» смертности в профилях 2007-2010 гг. и вовсе исчез.

Сопоставляя уровни и динамику возрастной смертности от внешних причин в России и других странах, можно было бы расширить представление об особенностях российского неблагополучия. Однако такой анализ по всем возрастным группам был бы очень громоздким и труднообозримым, и в нем едва ли есть необходимость, поскольку многие задачи сравнительного анализа успешно решаются с помощью такого обобщающего показателя, как *стандартизованный коэффициент смертности*.

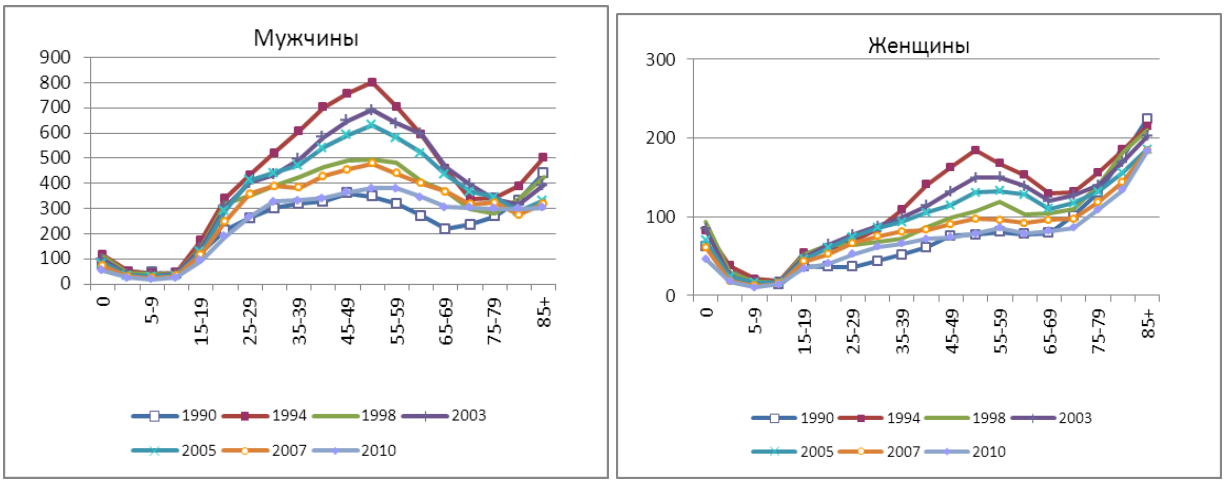

Рис. 6. Возрастные коэффициенты смертности от внешних причин, Россия, 1990-2010 гг., число смертей на 1 млн населения соответствующего пола, расчеты автора по данным [4]

Стандартизованные коэффициенты дают основу для корректных сравнений различных стран и периодов между собой, так как они рассчитаны на основе единого «европейского» стандарта возрастной структуры, что позволяет исключить искажающее влияние различий в возрастной структуре в разных странах и в разные периоды.

В частности, этот показатель позволяет сделать вывод о том, что снижение доли умерших от внешних причин в 2010 г. до уровня 1990 г. еще не означало, что травматическая смертность достигла уровня начала исследуемого периода (рис. 7).

В мировом рейтинге травматической смертности Россия занимает одни из первых позиций. По данным ВОЗ в 2004 г. среди 192 стран Россия была на 4 месте по смертности от внешних причин у мужчин и на 22 месте у женщин. Россия, являясь промышленно развитой страной с не самым низким уровнем экономического развития, по уровню травматической смертности находится на одном уровне с такими беднейшими африканскими странами как Кот-д'Ивуар, Судан, Бурунди и др., а также со слаборазвитыми азиатскими государствами - Непал, Бутан и др. [18]. Вообще такая смертность наиболее характерна для стран с невысокой ценностью человеческой жизни, с низким уровнем экономического развития, для стран, в которых часты войны и гражданское насилие [4]. Наиболее низкий уровень насильственной смертности характерен для промышленно развитых стран Европы, Северной Америки, Японии, Австралии, а также для Океании.

На рис. 7 представлено сравнение стандартизованных коэффициентов смертности от всех внешних причин, и оно показывает, насколько велик разрыв между Россией и европейскими странами. Он был максимальным для обоих полов в 1994 г. Так,

стандартизованный коэффициент смертности от внешних причин для мужчин в России и ЕС-27 был равен соответственно 457 человекам на 100000 мужчин и 67 человекам на 100000 мужчин. Разница для женщин также была велика: 101 человек на 100000 женщин в России и 26 человек на 100000 женщин в ЕС-27. Таким образом, превышение российских показателей над европейскими достигало 4 раз у женщин и 7 раз у мужчин.

За последние 30 лет стандартизованный коэффициент смертности от внешних причин был минимальным во второй половине 1980-х гг., в начале 1990-х гг. он резко вырос, затем колебался в соответствии с колебаниями смертности от внешних причин в России, в то время как травматическая смертность в Европе неуклонно снижалась. Разрыв, весьма заметный и в начале 1990-х годов, еще более увеличился к 1994 г., немного сократился к 1998 г. Повторное увеличение наблюдалось до 2003 г., после чего наметилось снижение, но прежние показатели пока не достигнуты, хотя стандартизованный коэффициент смертности от внешних причин уже приближается к уровню начала 1990-х гг. Однако и при этом он в 5 раз выше, чем в ЕС-27 у мужчин и в 3 раза – у женщин. Пока трудно сказать, насколько существенным окажется в будущем наметившееся снижение стандартизованного коэффициента смертности и является ли это снижение долговременным трендом либо очередным колебанием показателя.

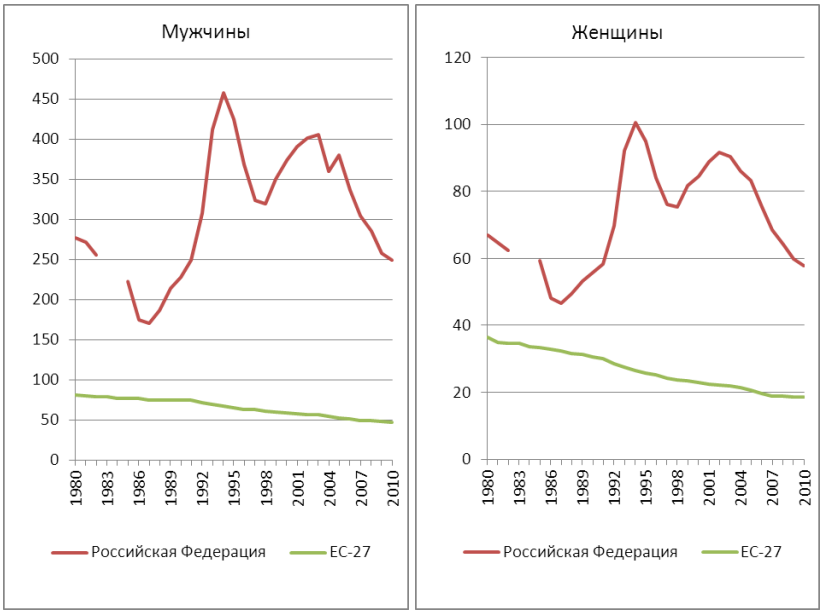

Рис. 7. Стандартизованный коэффициент смертности от внешних причин, на 100000 человек соответствующего пола, мужчины и женщины [16]

Сходные тенденции с некоторыми вариациями прослеживаются и при рассмотрении динамики отдельных видов травматической смертности (рис. 8-10).

На графике смертности от транспортных происшествий видно (рис. 8), что в период антиалкогольной кампании второй половины 1980-х гг. этот вид смертности резко снизился в России и вышел на европейский уровень, а затем еще более резко взлетел, в то время как в Европе стандартизованный коэффициент смертности от транспортных происшествий устойчиво снижался.

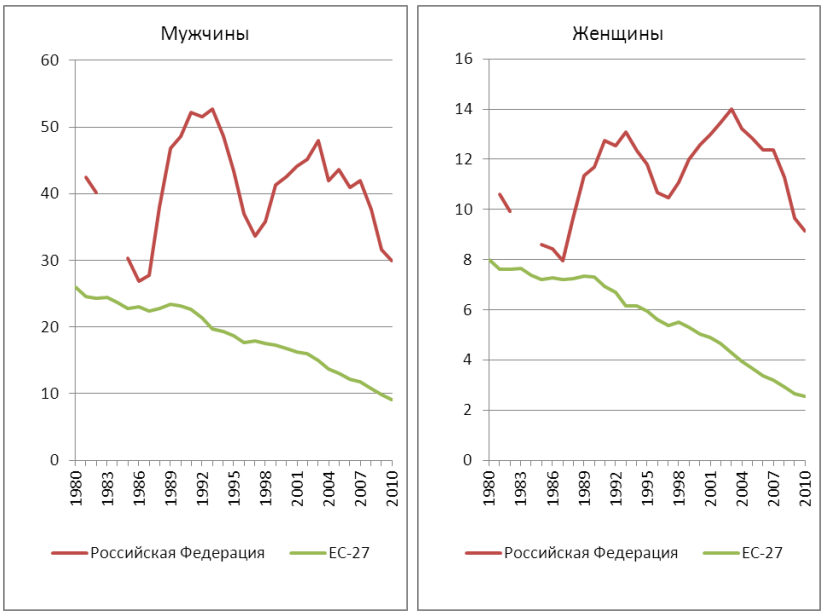

Рис. 8. Стандартизованный коэффициент смертности от транспортных происшествий, на 100000 населения, мужчины и женщины [16]

Очень высок, по европейским меркам, российский уровень смертности от самоубийств и самоповреждений. Это, пожалуй, одна из важнейших внешних причин смерти в России. В 2010 г. потери от нее (33,5 тыс. человек) в 1,2 раза превысили потери от транспортных несчастных случаев. В последние два десятилетия российский стандартизованный коэффициент смертности от самоубийств превышал европейский в 3-4 раза у мужчин и в 1,5-2 раза – у женщин (рис. 9).

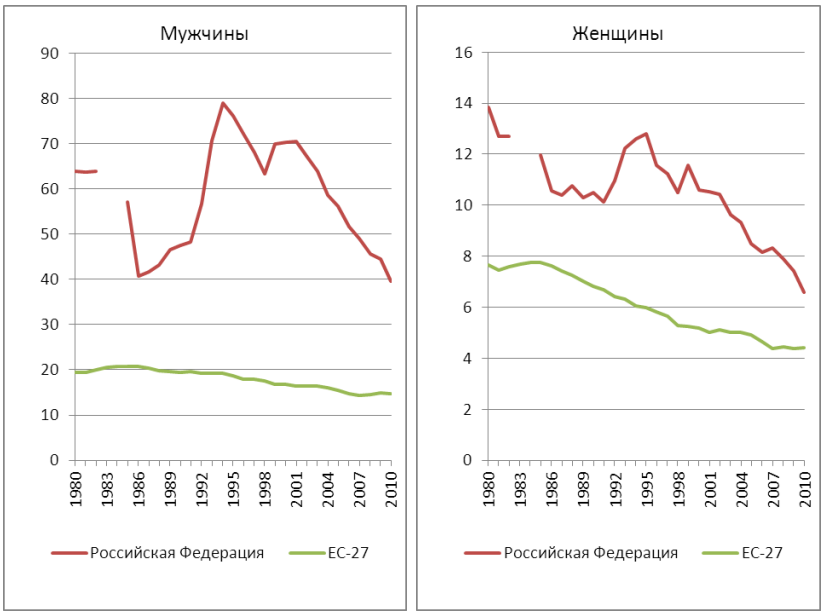

Рис. 9. Стандартизованный коэффициент смертности от самоубийств и самоповреждений, на 100000 населения, мужчины и женщины [16]

И уж совсем несопоставим с европейским российский уровень смертности от убийств. У мужчин превышение российского уровня над европейским достигает десятков раз, и даже у женщин оно более чем десятикратное (рис. 10).

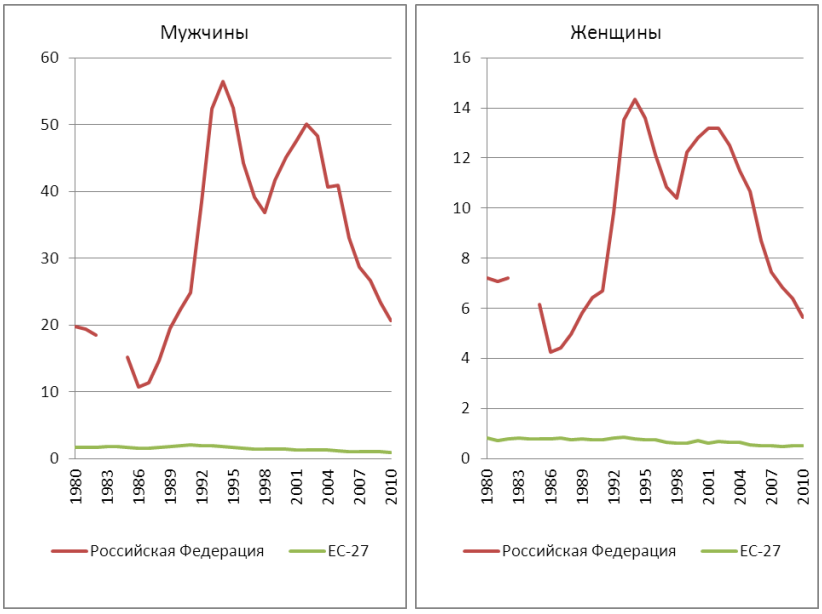

Рис. 10. Стандартизованный коэффициент смертности от убийств и умышленных травм, на 100000 населения, мужчины и женщины [16]

К этому следует добавить еще очень высокую смертность от внешних причин, которые относятся статистикой к группе «повреждения с неопределенными намерениями». Обращает на себя

внимание не только большое число смертей, относимых к этой рубрике (в последние годы оно превышает даже лидировавшее ранее число самоубийств), но и его очень быстрый рост за 1990-е гг. В 1990 г. таких смертей было зарегистрировано 16,6 тыс., в 2000 г. – 41,8 тыс., в 2010 – 39,7 тыс. Весьма вероятно, что в эту группу попадает значительная часть не идентифицированных должным образом самоубийств и убийств [13, 14].

Высокие показатели смертности от практически каждой из причин насильственной смерти - свидетельство того, что россиянин слабо защищен от неосторожности, халатности или насилия [7].

Наиболее компактное и информативное описание вклада различных причин смерти (в том числе и внешних причин) в общую смертность позволяют получить *таблицы смертности по причинам смерти*, дающие возможность оценить вклад каждой причины смерти в структуру и изменения ожидаемой продолжительности жизни.

Рис. 11. Распределение табличных чисел умерших d_x от внешних причин смерти на 100 тыс. родившихся по возрасту и по полу в России и на Западе в 1990 г. и 2010 г., расчеты автора по данным [17]

Для сравнения ситуации в России с другими странами автором была построена модель смертности «средней» западноевропейской страны, которая включала 5 стран: Франции, Швеции, Финляндии, Австрии и Нидерландов. На основе данных о числе умерших от внешних причин и численности возрастных групп были рассчитаны усредненные повозрастные коэффициенты смертности, после чего были построены так называемые «чистые» таблицы смертности по причинам смерти. Именно из этих таблиц смертности для анализа использовались числа умерших от внешних причин по возрасту (табличные числа умерших - d_x). На рисунке 11 виден существенный разрыв между кривыми чисел умерших от насильственной смерти в европейских странах и в России. При этом число западноевропейских мужчин и женщин, умерших от внешних причин, к 2010 г. снизилось, а в России практически не изменилось. Превышение общего числа умерших мужчин от внешних причин в России по сравнению с Западом увеличилось несильно: с 2 раз в 1990 г. до 2,3 раза в 2010 г., женщин – с 1 раза в 1990 г. до 1,2 раза в 2010 г.

Важно учесть другое: в процессе установления контроля над внешними причинами на Западе, смерти от них все более перераспределяются в сторону старших возрастов. Равномерное распределение смертей мужчин приводит к тому, что кривая имеет более «плоский» вид, чем в России. Вместе тем в России, в сравнении с западноевропейскими странами, форма кривой осталась прежней, а значит смертность от этих причин продолжает быть характерной для наиболее жизнеспособных мужчин в возрасте 20-65 лет. Кривая для российских женщин более «плоская», но в сравнении с формой кривых западных женщин у нее также выделяется превышение в возрасте 15-60 лет, что также говорит о ранней смерти россиянок от этих причин.

В целом для населения европейских стран характерно то, что числа умерших при одновременном их сокращении со временем увеличиваются с возрастом: если люди и погибают от внешних причин, то в глубокой старости, прожив долгую жизнь. В России за двадцатилетие и число умерших, и возрастное распределение смертей практически не изменилось. Потому в нашей стране отставание со временем только увеличилось. Концентрация чисел умерших в возрасте 20-60 лет по сравнению с другими возрастными группами свидетельствует о том, что в нашей стране от внешних причин люди умирают раньше, и преимущественно в активном, трудоспособном возрасте. В нашей стране травматическая смертность характеризуется также наличием сильной половой диспропорции. Так, например, в России превышение числа мужчин, умерших от внешних причин, над числом женщин, умерших от этих же причин во всех возрастах составило 3,1 раза в 1990 г. и 2010 г. На Западе аналогичный показатель на начало и конец период периода также имел одинаковое

значение и был равен 1,6 раза. Для возрастов 15-60 лет подобные соотношения были выше: для России в 1990 г. и в 2010 г. составили 4,7 и 4,2 раза, для Запада – 3,3 раза в обоих годах. То есть и на Западе мужчины умирают от травматической смерти больше, чем женщины, однако диспропорция по полу в европейских странах для всех возрастов в 2 раза меньше, чем в России, для возраста 15-60 лет в 1,3-1,4 раза меньше.

Для полного представления и понимания вклада внешних причин смерти в формирование ожидаемой продолжительности жизни необходимо проанализировать содержащиеся в таблицах смертности по причинам смерти показатели среднего возраста смерти от причины i – E^i_o и вероятность смерти от различных классов причин смерти, или доля умерших от некоторой причины i во всех возрастах – l^i на 1000 новорожденных.

Средний возраст смерти от внешних причин в России значительно ниже, чем от любых других причин, за исключением инфекционных и паразитарных болезней (рис. 12). Так, разница между средним возрастом смерти от внешних причин и болезней системы кровообращения составляет 24,5 года для мужчин и 27,6 года для женщин, а в сравнении с новообразованиями - 21,3 года и 17 лет соответственно. В связи с этим с точки зрения демографии россиянам более «выгодно» умереть от тех болезней, средний возраст смерти которых выше, потому что в таком случае он может прожить дольше.

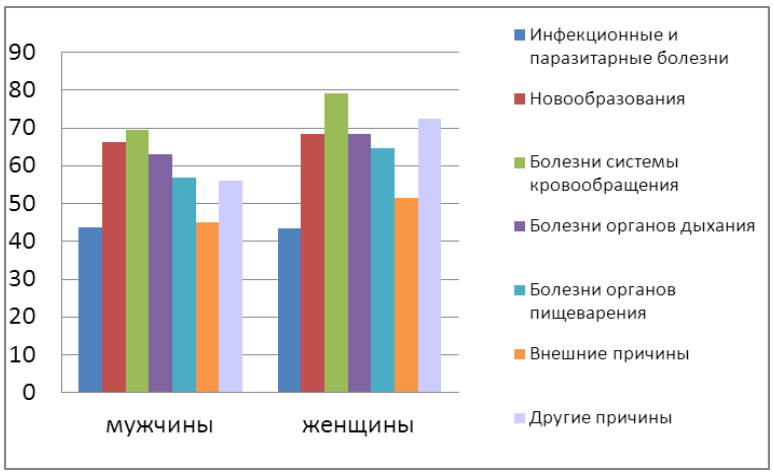

Рис. 12. Средний возраст смерти женщин и мужчин от основных классов причин в России в 2010 г., [9], расчеты автора по данным [9]

Для сравнения демографической ситуации в России в области смертности и ожидаемой продолжительности жизни продолжим использование модели «средней» западноевропейской страны. В России, помимо низкого среднего возраста смерти от внешних причин, также высока вероятность смерти от этих причин. В таблице 1 представлены вероятности смерти от основных классов причин

смерти в России по сравнению с западноевропейскими странами в 2010 г. Из таблицы также видно, что наибольшее превышение характерно именно для внешних причин смерти: для мужчин оно составило 2,3 раза, для женщин - 1,2 раза (табл. 1).

Таблица 1.

Вероятности для новорожденного умереть от основных классов причин в России и в стране западноевропейской модели, на 1000 человек, 2010 г. [9], расчеты автора по данным [17]

	Мужчины			Женщины		
Классы причин смерти	Россия	Запад	Россия /Запад	Россия	Запад	Россия /Запад
Инфекционные и паразитарные болезни	22	14	1,5	8	15	0,5
Новообразования	149	278	0,5	132	220	0,6
Болезни системы кровообращения	510	362	1,4	662	401	1,7
Болезни органов дыхания	50	73	0,7	22	59	0,4
Болезни органов пищеварения	47	39	1,2	37	35	1,1
Внешние причины	146	63	2,3	47	40	1,2
Прочие болезни	76	170	0,4	94	231	0,4
Все причины	1000	1000	1	1000	1000	1

Стоит отметить, что при небольшом превышении вероятностей смерти от болезней органов дыхания в России, на Западе смертность от этих причин приобрела эндогенную доминанту, и от них умирают в пожилом возрасте. В то же время в России смертность от болезней органов дыхания остается по своему характеру экзогенной: ей подвержены в первую очередь младенцы с неокрепшим еще здоровьем. Таким образом, экзогенные причины смерти, от которых погибают в раннем возрасте, в России до сих пор не поставлены под контроль.

Рассмотрим, наконец, сам вклад внешних причин смерти в формирование ожидаемой продолжительности жизни в начале и в конце изучаемого периода в России и стране западноевропейской модели. Оба измерения структуры продолжительности жизни - вероятность и средний возраст смерти от отдельных причин смерти - преобразуем в графический вид, как это было впервые использовано российскими демографами в 1986 г [3] (рис. 13, 14).

Как видно из рисунков основные различия в структуре ожидаемой продолжительности жизни сосредоточены в распределении умирающих от тех причин, вероятность смерти от которых наивысшая – это болезни системы кровообращения, новообразования и внешние причины.

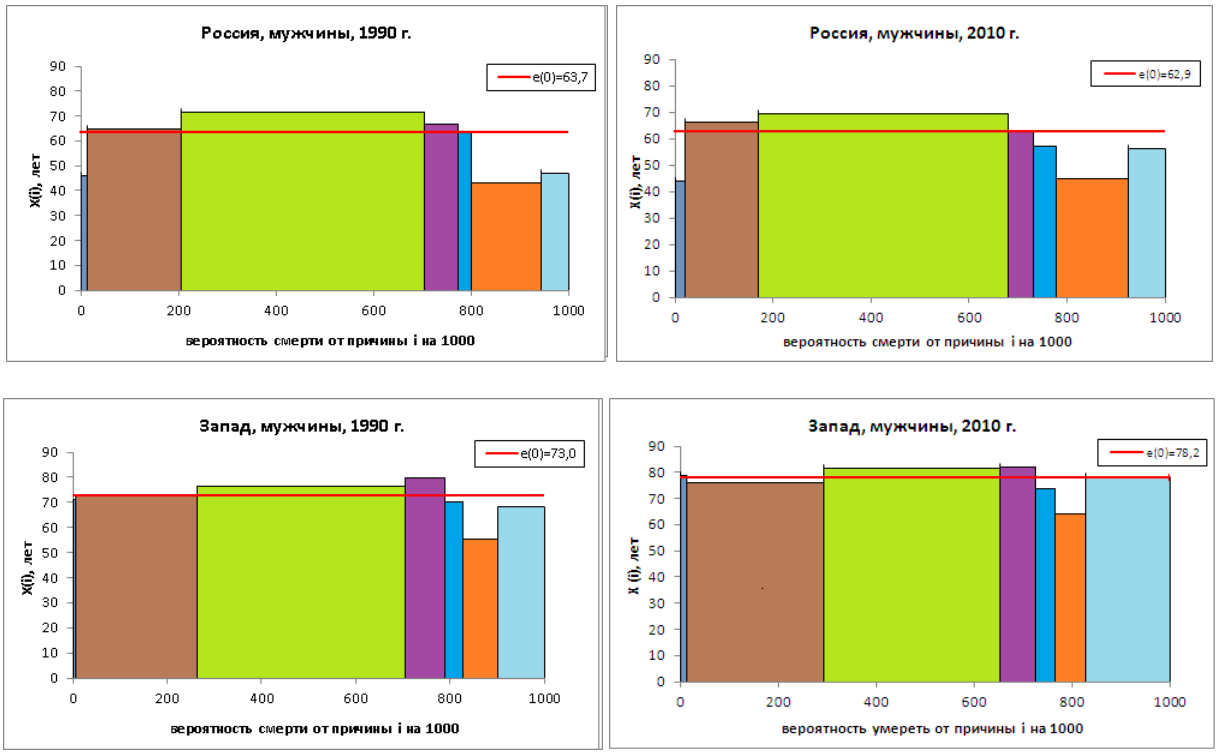

Рис. 13. Структура продолжительности жизни по возрасту и причинам смерти, Россия и страна западноевропейской модели, 1990 г., 2010 г., мужчины, расчеты автора по данным [9, 17]

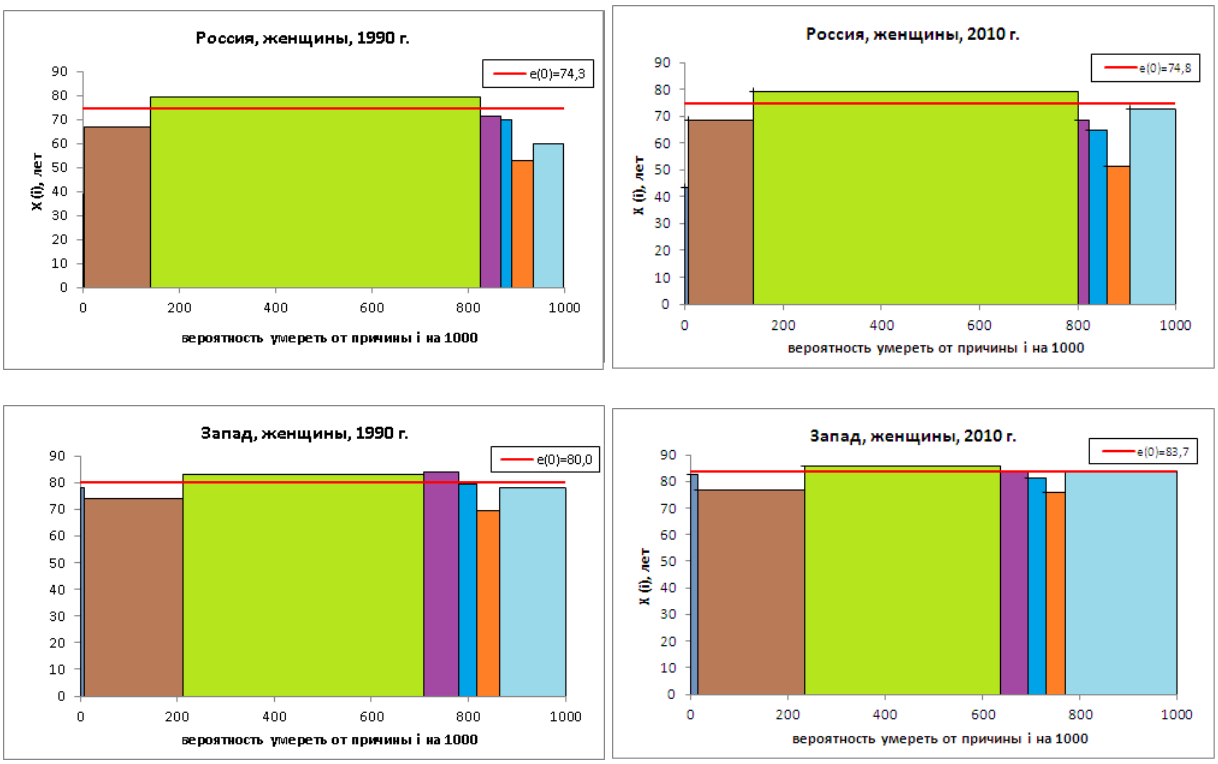

Рис. 14. Структура продолжительности жизни по возрасту и причинам смерти, Россия и страна западноевропейской модели, 1990 г., 2010 г., женщины, расчеты автора по данным [9, 17]

Если рассматривать только внешние причины, то, во-первых, вероятность смерти новорожденного от этих причин в России у мужчин как была высокой в 1990 г., так она и сохранилась в 2010 г. Во-вторых, возраст смерти от внешних причин у российских мужчин значительно ниже, чем в западноевропейских странах – причем если в 1990 г. отставание было равно 11,8 года, то к 2010 г. оно увеличилось до 19,3 года.

Женщины в России в 2010 г. от внешних причин в среднем умирали на 6,5 года позже, чем российские мужчины, однако они существенно уступали среднему возрасту смерти от этих причин женщинам западноевропейских стран: отставание в начале периода составляло 16,9 года и 24,2 года в конце изучаемого периода.

Таким образом, главная причина низкой продолжительности жизни в России заключается в том, что в нашей стране не только высокая вероятность смерти от внешних причин, но и крайне низкий возраст смерти от этих причин. Поэтому мероприятия, нацеленные на сокращение травматической смертности, позволили бы существенно увеличить ожидаемую продолжительность жизни в России.

Анализируя структуру продолжительности жизни в целом, стоит также отметить, что в европейских странах в отличие от России средний возраст смерти от любой причины оттеснен в старшие возраста, что привело, во-первых, к слабой дифференциации по среднему возрасту умирающих, а во-вторых, к более равномерному распределению смертей по причинам [5]. Другими словами, от какой бы причины на Западе человек не умер, смерть его произойдет в старших возрастах.

Выводы:

В ряде случаев государственные ведомства, напрямую ответственные за политику в области здравоохранения, при оценке приоритетов действий ограничиваются анализом недостаточно корректных показателей, которые приводят к неверным выводам; переход к более корректным показателям может поставить эти выводы под сомнение. Так, анализ более корректного стандартизованного коэффициента смертности показал, что снижение доли умерших от внешних причин в 2010 г. по сравнению с 1990 г. еще не позволяет судить о том, что смертность от этих причин достигла уровня начала исследуемого периода.

В течение последних 20 лет динамика стандартизованного коэффициента смертности от внешних причин была разнонаправленной, поэтому невозможно с точностью сказать, является ли снижение смертности, которое наблюдается с 2004-2005 гг. долгосрочным трендом или очередным колебанием этого показателя. К 2010 г. смертность от внешних причин все еще не вернулась к уровню 1990 г., хотя и тогда она была существенно выше, чем в большинстве развитых стран.

Возрастные коэффициенты смертности показали, что в России значительная часть смертей от внешних причин до сих пор приходится на самые активные и жизнеспособные возрасты – 20-60 лет, это особенно характерно для мужчин. Высокие показатели обусловлены не столько высокой смертностью от каких-то конкретных причин смерти внутри целого класса, сколько от каждых причин практически одинаково: смертность от убийств и умышленных травм, от самоубийств и самоповреждений, от транспортных несчастных случаев и пр. значительно выше соответствующих показателей развитых стран. А так как в этих странах смертность от внешних причин все время сокращается, отставание России еще более увеличивается. И в результате в начале XXI века нашими соседями по уровню насильственной смертности стали беднейшие африканские и слаборазвитые азиатские страны.

Анализ табличных чисел умерших по причинам смерти также показал выраженную концентрацию смертей от внешних причин в России в трудоспособных возрастах в течение последних двадцати лет. В то же время в европейских странах они распределены по возрасту более равномерно, увеличение их числа наблюдается преимущественно в старших возрастах.

Наконец, сравнение таких показателей таблиц смертности, как вероятность смерти и средний возраст смерти по причинам смерти, с аналогичными показателями западноевропейских стран подтвердил, что первоочередная борьба с целью повышения ожидаемой продолжительности жизни в России должна быть направлена против внешних причин смерти. Поэтому важно, чтобы государственные ведомства, ответственные за выработку социально-демографической политики в области здоровья и смертности, использовали весь спектр доступного демографического инструментария. Только в этом случае возможно говорить о выборе правильных приоритетов.

Стоит отметить, что в середине 1960-х гг. в России были наилучшие показатели смертности, и по показателю ожидаемой продолжительности жизни наша страна находилась ближе к западным странам. Однако позже расхождение стало нарастать. Если в странах Запада на смену регулирования средовых факторов смертности пришло регулирование поведенческих, то в России этого не произошло [6, 2]. Опыт западноевропейских стран показывает, что борьба с внешними причинами может быть вполне успешной, а значит, в России существуют существенные резервы для роста ожидаемой продолжительности жизни.

Список литературы

1. Аналитический обзор «Об основных показателях развития здравоохранения и социально-трудовой сферы в 2007 году». Министерство Здравоохранения Российской Федерации. URL: http://www.rosminzdrav.ru/docs/mzsr/analytics/2.

2. Андреев Е.М., Вишневский А.Г. 40 лет снижения продолжительности жизни россиян, Ч. I и II // Демоскоп Weekly, 2004. - № 171-172. URL: http://demoscope.ru/weekly/2004/0171/tema01.php.

3. Андреев Е.М., Вишневский А.Г., Шабуров К.Ю. Продолжительность жизни и причины смерти // Демографические процессы и их закономерности / Под ред. А. Г. Волкова. М.: Мысль, 1986, сс.110-130.

4. Богоявленский Д.Д. Смертность от внешних причин в России. Ч. I и II //Демоскоп Weekly, 2001, - № 29-30. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/029/tema01.php

5. Васин С.А. Российская и «западная» структуры и календари смертности по причинам смерти // Смертность населения. Тенденции, методы изучения, прогнозы / Под ред. Денисенко М.Б., Бахметовой Г.Ш. Демографические исследования. - Вып. 13. М., МАКС Пресс, 2007.

6. Вишневский А.Г. Незавершенная демографическая модернизация в России, Демоскоп Weekly. 2010, - № 417-418. URL: http://demoscope.ru/weekly/2010/0417/analit01.php

7. Вишневский А.Г., Школьников, В.М. Смертность в России: главные группы риска и приоритеты действия. Научные Доклады. М.: Московский центр Карнеги, 1997. - Вып. 19.

8. Демографическая модернизация России, 1900-2000 / Под ред. Вишневского А.Г. М.: Новое издательство, 2006. –608 с..

9. Демографический ежегодник России (Росстат), 2001-2010 гг. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticCollections/doc_1137674209312

10. Концепция развития системы здравоохранения в Российской Федерации до 2020 года. URL: http://federalbook.ru/files/FSZ/soderghanie/Tom%2012/1-9.pdf

11. Милле Ф., Школьников М.В., Эртриш В., Вален Ж. Современные тенденции смертности по причинам смерти в России в 1965-1994., Paris, INED, М.: ЦДЭЧ, 1996. - 140 с. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/shkol/shkol.html

12. Немцов А.В. Потребление алкоголя в России во второй половине 90-х годов //Вопросы наркологии, 2001. - №2. - сс.59-64.

13. Семенова В.Г., Антонова О.И Достоверность статистики смертности (на примере смертности от травм и отравлений в Москве) // Социальные аспекты здоровья населения, 2007. - №2. URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/28/30/.

14. Смертность подростков в Российской Федерации, М.: ООО «БЭСТ-принт», 2010.

15. Халтурина Д.А., Коротаев А.В. Алкогольная катастрофа. Как остановить вымирание России? В кн. Алкогольная катастрофа и возможности государственной политики в преодолении алкогольной сверхсмертности в России / Отв. ред. Д.А. Халтурина, А.В. Коротаев. - М.: ЛЕНАНД, 2008.

16. Health for all Database (HFA) of World Health Organization. URL: http://www.euro.who.int/en/what-we-do/data-and-evidence/databases/european-health-for-all-database-hfa-db2.

17. World Health Organization Mortality DataBase (WHO MDB). URL: http://www.who.int/whosis/mort/download/en/index.html.

18. World Health Organization Mortality Database: Tables. URL: http://www.who.int/entity/healthinfo/morttables/en/index.html.

Bibliography

1. Analiticheskij obzor «Ob osnovnyh pokazateljah razvitija zdravoohranenija i social'no-trudovoj sfery v 2007 godu». Ministerstvo Zdravoohranenija Rossijskoj Federacii. [Analytical review «Of the main indicators of the development of health care and social-labour sphere in 2007» The Ministry Of Health Of The Russian Federation.] URL: http://www.rosminzdrav.ru/docs/mzsr/analytics/2.

2. Andreev E.M., Vishnevskij A.G. 40 let snizhenija prodolzhitel'nosti zhizni rossijan [There are 40 years of declining of life expectancy of Russians], Ch I and II // Demoscope Weekly, 2004, no. 171-172,. URL: http://demoscope.ru/weekly/2004/0171/tema01.php.

3. Andreev E.M., Vishnevskij A.G., Shaburov K.Ju. Prodolzhitel'nost' zhizni i prichiny smerti // Demograficheskie processy i ih zakonomernosti [The life Expectancy and causes of death // Demographic processes and their patterns]/ Pod red. A. G. Volkova. M.: Mysl', 1986. pp.110-130.

4. Bogojavlenskij D.D. Smertnost' ot vneshnih prichin v Rossii [Mortality from external causes in Russia]. Ch. I i II // Demoscope Weekly, 2001, no. 29-30. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/029/tema01.php.

5. Vasin S.A. Rossijskaja i «zapadnaja» struktury i kalendari smertnosti po prichinam smerti // Smertnost' naselenija. Tendencii, metody izuchenija, prognozy [Russian and the «West» structure and calendars of mortality by causes of death // Mortality of the population. Trends, methods of study, forecasts] / Pod red. Denisenko M.B., Bahmetovoj G.Sh. Demograficheskie issledovanija, no. 13. M.: MAKS Press, 2007.

6. Vishnevskij A.G. Nezavershennaja demograficheskaja modernizacija v Rossii [Incomplete demographic modernization in Russia], Demoscope Weekly, 2010, no. 417-418. URL: http://demoscope.ru/weekly/2010/0417/analit01.php.

7. Vishnevskij A.G., Shkol'nikov, V.M. Smertnost' v Rossii: glavnye gruppy riska i prioritety dejstvija. Nauchnye Doklady. [Mortality in Russia: the main group of risk and priorities for action. Scientific Reports] M.: Moskovskij centr Karnegi, 1997, no. 19.

8. Demograficheskaja modernizacija Rossii, 1900-2000 [The demographic modernization of Russia, 1900-2000] / Pod red. Vishnevskogo A.G. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. 608 p.

9. Demograficheskij ezhegodnik Rossii [The demographic Yearbook of Russia] (Rosstat), 2001-2010. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing /catalog/statisticCollections/doc_1137674209312.

10. Koncepcija razvitija sistemy zdravoohranenija v Rossijskoj Federacii do 2020 goda [The concept of health system development in the Russian Federation up to 2020]. URL: http://federalbook.ru/files/FSZ/soderghanie/Tom%2012/1-9.pdf.

11. Meslé F., Shkol'nikov V. M., Hertrich V., Vallin J. Sovremennye tendencii smertnosti po prichinam smerti v Rossii v 1965-1994 [Modern trends of mortality by causes of death in Russia in 1965-1994], Paris, INED, M. CDHE, 1996. 140 p. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/shkol/shkol.html.

12. Nemcov A.V. Potreblenie alkogolja v Rossii vo vtoroj polovine 90-h godov //Voprosy narkologii [Alcohol consumption in Russia in the second half of the 90-ies //Problems of narcology], 2001, no. 2. pp.59-64.

13. Semenova V.G., Antonova O.I Dostovernost' statistiki smertnosti (na primere smertnosti ot travm i otravlenij v Moskve) // Social'nye aspekty zdorov'ja naselenija [Reliability of statistics of mortality (on the example of mortality from injury and poisoning in Moscow) // Social aspects of the population's health], 2007, no. 2. URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/28/30/.

14. Smertnost' podrostkov v Rossijskoj Federacii [The mortality of young persons in the Russian Federation], M.: OOO «BEST-print», 2010

15. Khalturina D.A., Korotaev A.V. Alkogol'naja katastrofa. Kak ostanovit' vymiranie Rossii? V kn. Alkogol'naja katastrofa i vozmozhnosti gosudarstvennoj politiki v preodolenii alkogol'noj sverhsmertnosti v Rossii [Alcohol catastrophe. How to stop the extinction of Russia? In the book Alcohol catastrophe and capacity of the state policy in overcoming alcohol supermortality in Russia]/ Otv. red. D.A. Khalturina, A.V. Korotaev. - M.: LENAND, 2008.

16. Health for all Database (HFA) of World Health Organization. URL: http://www.euro.who.int/en/what-we-do/data-and-evidence/databases/european-health-for-all-database-hfa-db2

17. World Health Organization Mortality DataBase (WHO MDB). URL: http://www.who.int/whosis/mort/download/en/index.html.
18. World Health Organization Mortality Database: Tables. URL: http://www.who.int/entity/healthinfo/morttables/en/index.html.

УДК: 550.846:582.475.4

ЭКОГЕОХИМИЧЕСКАЯ ИНДИКАЦИЯ АНТРОПОГЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОСНОВЫХ ЭКОСИСТЕМ

Д.Н. Андреев

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Выполнено эколого-геохимическое исследование современного состояния сосновых экосистем с разной антропогенной нагрузкой. По результатам работы составлены ряды накопления микроэлементов в экосистемах, рассчитаны современный геохимический фон территорий, коэффициенты концентраций элементов, биологического поглощения и другие показатели. По итогам исследования выделены индикаторы антропогенной трансформации сосновых экосистем.

Ключевые слова: антропогенная трансформация, экогеохимия, индикация, сосновые экосистемы.

UDC: 550.846:582.475.4

ECOGEOCHEMICAL INDICATION OF PINE ECOSYSTEMS ANTHROPOGENIC TRANSFORMATION

Perm State National Research University

Ecological and geochemical research of the current state of pine ecosystems with different anthropogenic load is satisfied. By results of work the ranks of trace elements accumulation in ecosystems composed. Author is designed modern geochemical background of areas, the ratios of elements concentration, of biological absorption, etc. According to the research, indicators of pine ecosystems anthropogenic transformation identified.

Keywords: anthropogenic transformation, ecogeochemistry, indication, pine ecosystems.

Введение

В современных условиях растущей антропогенной нагрузки на биосферу происходят нарушения состояния экосистем. Прежде всего, они выражаются в привнесении, извлечении и перераспределении вещества и энергии. К началу второго десятилетия XXI века накоплены обширные сведения о негативном влиянии человеческой деятельности на состояние живых организмов и экосистем в целом.

Антропогенная трансформация природной среды – процесс изменения природных компонентов и комплексов под воздействием производственной и любой другой деятельности людей. Преобразование экосистем вызывается совокупностью экологических и биогеохимических процессов, связанных с деятельностью людей, направленной на перемещение, извлечение из окружающей среды, концентрацию и перегруппировку минеральных и органических соединений, сопровождается изменением природных компонентов, приводит к нарушению метаболизма, функционированию и структуры исходных экосистем, вплоть до перехода их в результате смен состояний (фаз) из ряда биогенных в абиогенные [5].

Качество природной среды напрямую зависит от количества поступающих в нее загрязняющих веществ. При рассмотрении этой проблемы следует учитывать факторы, которые влияют на ухудшение окружающей среды. Одним из таких факторов, определяющий нормальный рост и развитие организмов является сбалансированность их минерального или элементного состава. Изучение геохимии элементов является одной из актуальных задач в условиях постоянно возрастающего антропогенного воздействия на окружающую среду.

Качественная или количественная оценка тенденций изменений, определение или оценочная классификация состояния экологических систем, процессов и явлений производится на основании экологического индикатора.

Целью данного исследования стало выделение индикаторов антропогенной трансформации сосновых экосистем с использованием экогеохимических методов.

Материал и методика

Исследования проводились на особо охраняемых природных территориях (ООПТ) Пермского края, на которых основной лесообразующей породой является сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris L.*).

В качестве территории с высоким уровнем антропогенной нагрузки выбран охраняемый природный ландшафт местного значения «Черняевский лес» (площадь 685,97 га). Он представляет собой лесной массив, который находится практически в центре г. Перми. На лесные экосистемы Черняевского леса оказывают влияние множество антропогенных факторов, такие как

автотранспорт, промышленные предприятия, рекреация, прокладка инженерных сооружений и др.

В качестве фоновой территории выбран охраняемый ландшафт регионального значения «Осинская лесная дача» (площадь – 12168,0 га). Он расположен в 100 км к Юго-Западу от г. Пермь. Основными факторами изменения природной среды здесь являются рекреация и лесные пожары.

В рамках подготовительного этапа работ на ООПТ выбраны идентичные участки сосновых лесов с помощью методов пространственного анализа на основе данных лесоустройства и космических снимков. Исследования проводились в сосняках зеленомошниках (наиболее распространенный тип леса на данных территориях), в которых присутствует подрост сосны обыкновенной. В рамках полевого этапа работ закладывались пробные площадки в ранее выбранных и уточненных биотопах. Всего заложено по 30 пробных площадок на каждой территории, на которых проводилось краткое ботаническое описание, замер лесотаксационных параметров деревьев, отбор образцов почвы хвои сосны обыкновенной для последующего анализа.

Экогеохимическое опробование почв и хвои сосны выполнялось в соответствии с общепринятыми методиками и нормативными документами [1].

Почвенные пробы отбирались методом «конверта», путем смешивания точечных проб составлялась объединенная проба. Глубина опробования 0-20 см (исключая лесную подстилку), масса объединенной пробы должна составлять не менее 1 кг. Отбор осуществлялся с применением бура Эдельмана. Образцы хвои отбирались с подроста сосны на высоте 1,3 м. южной экспозиции с последующим смешиванием пробы. С отобранных веток удалялась хвоя однолетнего возраста. Керны отбирались со среднего по высоте и диаметру дерева на площадке с помощью возрастного бура на высоте 1,3 м. Всего отобрано по 60 образцов почвы и хвои

После пробоподготовки образцы направлялись в специализированную лабораторию для определения содержания в них микроэлементов. Лабораторный атомно-абсорбционный анализ выполнялся на дифракционном спектрографе СТЭ-1 методом испарения из кратера. В каждой пробе определялось содержание 34 химических элементов.

В рамках статистической обработке полученных данных рассчитаны следующие параметры: средние содержания микроэлементов в исследуемых экосистемах (современный фон); кларки концентраций микроэлементов; коэффициенты концентраций относительно фоновых значений; техногенные геохимические аномалии; суммарный показатель химического загрязнения; коэффициенты биологического поглощения.

Оценка степени деградации экосистем на пробной площадке выполнялась согласно методике «Экологическая оценка состояния особо охраняемых природных территорий регионального значения [2].

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты лабораторных исследований и статистической обработки данных представлены в таблице. В экосистемах сосновых лесов исследуемых территорий содержание значительной части химических элементов в почве независимо от антропогенной нагрузки выше кларка по Виноградову [3], а некоторых элементов – ниже.

Так у шести элементов средние значения выше кларка: Pb, Zn, Cu, P, Co, V. Меньше кларка выявлено среднее содержания девяти элементов: Ti, Cr, Sc, Zr, Ba, Ga, Sr, Y, Sn.

Содержание большинства микроэлементов в хвое сосны ниже кларка по Добровольскому [4]. Выше кларка содержания Mn и Ga.

Таблица 1

Содержание микроэлементов в сосновых экосистемах

Территория	Содержание микроэлементов, мг/кг												
	Ni	Co	Cr	Mn	V	Ti	P	Cu	Zn	Pb	Ag	Ba	Zr
Почва													
Черняевский лес	**41,6**	**14,0**	**122**	**1010**	**120**	**3725**	**1417**	**45,5**	**133**	**30,7**	**0,16**	**218**	**132**
Погрешность	4,1	0,7	8	79	4	123	107	2,8	10	3,4	0,02	15	7
Осинская лесная дача	**46,6**	**13,3**	**91**	**818**	**112**	**2629**	**1568**	**38,4**	**105**	**16,5**	**0,08**	**119**	**69**
Погрешность	1,1	0,3	3	44	4	116	72	1,5	4	0,6	0,001	5	4
Кларк по Виноградову	40	8	200	850	100	4600	800	20	50	10	-	500	300
Фон подзолистой зоны	32,2	8,4	180	715	63,5	4045	400	15,3	41,3	11,5	0,1	-	-
Хвоя													
Черняевский лес	**1,9**	**0,2**	**1,2**	**266**	**1,1**	**20,2**	**264**	**2,7**	**6,0**	**0,7**	**0,01**	**15,6**	**1,3**
Погрешность	0,1	0,02	0,8	13	0,1	3,3	8	0,3	0,5	0,07	0,001	1,1	0,1
Осинская лесная дача	**1,4**	**0,1**	**0,6**	**257**	**0,6**	**7,9**	**254**	**1,5**	**6,8**	**0,6**	**0,01**	**13,0**	**1,0**
Погрешность	0,1	0,01	0,4	7	0,1	0,9	8	0,1	0,7	0,07	0,001	1,2	0,05
Кларк по Добровольскому	2	0,5	1,8	205	1,5	32,5	-	8	30	1,25	0,6	22,5	7,5

В почвах Черняевского леса содержание Pb выше кларка в 3,1 раза, Zn в 2,7 раза, Cu в 2,3 раза, P и Co в 1,8 раза, V и Mn в 1,2 раза. В почвах Осинской лесной дачи содержание Pb выше кларка в 1,7 раза, Zn в 2,1, Cu и P в 1,9, Co в 1,7, V в 1,1 раза.

В хвое сосны на территории Черняевского леса содержание Mn выше кларка в 1,3 раза, Ga в 1,9 раза. На территории Осинской лесной дачи содержание Mn выше кларка в 1,3 раза, Ga в 1,6.

В почвах легкого механического состава Черняевского леса выявлено превышение содержания ряда микроэлементов. Наибольшие отличия обнаружены по Ag (в 2 раза), Zr (1,9), Pb (1,9), Ba (1,8), Sn (1,5), Sc (1,4), Ti (1,4), Cr (1,3), Zn (1,3), Mn (1,2), Y (1,2), Cu (1,2).

В хвое сосны обыкновенной в Черняевском лесу относительно фоновой территории выявлено накопление Ti (в 2,6 раза), V (2,0), Cr (2,0), Cu (1,8), Ni (1,4), Co (1,4), Zr (1,3), Ga (1,2), Ba (1,2). Ни в почве, ни в хвое сосны не обнаружены повышенные значения на фоновой территории, превышающие статистическую погрешность.

Суммарный показатель загрязнения почв посчитан относительно фонового содержания валовых форм тяжелых металлов для зоны подзолистых почв [6]. В Черняевском лесу на 2 пробных площадках отмечен опасный уровень загрязнения, на 8 – умеренно опасный. Уровень загрязнения почвы на всех пробных площадках в Осинской лесной даче характеризуется как допустимый.

Заключение

В Пермском крае в идентичных природных условиях, одинаковых типах леса деятельность человека привела к формированию новых, отличных друг от друга геохимических систем.

Выполненные исследования позволили выявить геохимические отличия экосистем с различной антропогенной нагрузкой. В результате работы выделены экогеохимические индикаторы антропогенной трансформации сосновых экосистем. Выполнение подобных исследований на других территориях позволит оценить степень и характер изменений в экосистемах, вызванных деятельностью человека.

Список литературы

1. Алексеенко В.А., Суворинов А.В., Власова Е.В. Металлы в окружающей среде. Лесные ландшафты Северо-Западного Кавказа: Монография. – М.: Университетская книга, 2008. – 264 с.

2. Бузмаков С.А., Овеснов С.А., Шепель А.И., Зайцев А.А. Методические указания: «Экологическая оценка состояния особо охраняемых природных территорий регионального значения» / Географический вестник, 2011. Вып.2. С. 49-59.

3. Виноградов А.П. Геохимия редких и рассеянных химических элементов в почвах. – М.: АН СССР, 1957. – 279 с.

4. Добровольский В. В. Основы биогеохимии: Учебник для студ. высш. учеб, заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 400 с.

5. Особо охраняемые природные территории г. Перми: монография / Бузмаков С.А. и др.; под ред. С.А. Бузмакова и Г.А. Воронова; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2012. – 204 с.
6. Сает Ю.Е., Ревич Б.А., Янин Е.П. и др. Геохимия окружающей среды. – М.: Недра, 1990. – 335 с.

Bibliography

1. Alekseyenko V.A., Suvorinov A.V., Vlasova Ye.V. Metally v okruzhayushchey srede. Lesnyye landshafty Severo-Zapadnogo Kavkaza: Monografiya. – M.: Universitetskaya kniga, 2008. – 264 s.
2. Buzmakov S.A., Ovesnov S.A., Shepel A.I., Zaytsev A.A. Metodicheskiye ukazaniya: «Ekologicheskaya otsenka sostoyaniya osobo okhranyayemykh prirodnykh territoriy regionalnogo znacheniya» / Geograficheskiy vestnik, 2011. Vyp.2. S. 49-59.
3. Vinogradov A.P. Geokhimiya redkikh i rasseyannykh khimicheskikh elementov v pochvakh. – M.: AN SSSR, 1957. – 279 s.
4. Dobrovolskiy V. V. Osnovy biogeokhimii: Uchebnik dlya stud. vyssh. ucheb, zavedeniy. – M.: Izdatelskiy tsentr «Akademiya», 2003. – 400 s.
5. Osobo okhranyayemyye prirodnyye territorii g. Permi: monografiya / Buzmakov S.A. i dr.; pod red. S.A. Buzmakova i G.A. Voronova; Perm. gos. un-t. – Perm, 2012. – 204 s.
6. Sayet YU.Ye., Revich B.A., Yanin Ye.P. i dr. Geokhimiya okruzhayushchey sredy. – M.: Nedra, 1990. – 335 s.

УДК: 159.9.072

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЖЕНЩИН С РАЗНЫМИ ГРУППАМИ РИСКОВ ПКГД

Л.Н. Рабовалюк

Морской государственный университет им. Адмирала Г.И. Невельского, г. Владивосток

В статье проведен поочередный сравнительный анализ ценностных ориентации, мотивов сохранения беременности у женщин с приемущественно оптимальным типом психологического компонента гестационной доминаты (ПКГД) и женщин с другими группами риска ПКГД, приведены рекомендации психологического сопровождения беременных женщин.

Ключевые слова: ценностные ориентации; психологический компонент гестационной доминанты; группа риска; беременность.

UDC: 159.9.072

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF VALUABLE ORIENTATIONS OF WOMEN WITH DIFFERENT GROUPS OF RISKS PCGD

L.N.Rabovalyuk

Maritime State University named after Admiral G.I. Nevelskoy, Vladivostok.

In article the serial comparative analysis valuable orientations, motives of preservation of pregnancy at women with mainly optimum type of the psychological component gestational доминаты (PCGD) and women with other groups of risk of PCGD is carried out. In article recommendations of psychological support of pregnant women are presented.

Keywords: a valuable orientation; a psychological component of a gestational dominant; a group of risk; a pregnancy.

Введение. Беременность является значимым периодом в жизни женщины. Ежегодно около 3% женщин переживают это событие. Как отмечает Г.Г. Филиппова (2002), именно в этот период у женщины происходит переоценка ценностей и смысла жизненных приоритетов, переориентация в плане выполняемых социальных ролей и взаимоотношений с другими людьми. Успешность родов и здоровье потомства систематически ухудшаются, несмотря на развитие диагностических, фармакологических и хирургических возможностей современной медицины, отмечает В.В. Абрамченко (1991). Ученые стараются выявить как можно больше факторов, влияющих на оптимизацию и улучшение качества жизни беременной женщины и всего общества в целом. В.В. Абрамченко, Н.П. Коваленко, 2004; В.И. Брутман, 2000; И.В. Добряков, 2000, 2005, 2008, 2010; О.В. Баженова, Л.Л. Баз, О.А. Копыл, 1993; О.А. Соколова, 2000, 2003, 2004; Г.Г. Филиппова, 2001, 2003; Р.Г. Добрянская, И.Д. Евтушенко, Г.В. Залевский, 2005; и др. наряду с медицинскими, генетическими, биологическими, социальными, экологическими факторами выделяют психологические, оказывающие непосредственное влияние на течение беременности. Одним из важных факторов, влияющих на течение беременности, исход родовой деятельности и развитие последующих взаимоотношений матери и ребенка, являются ценностные ориентации самой беременной женщины и ее психологический компонент гестационной доминанты.

Психологический компонент гестационной доминанты (ПКГД) - это совокупность механизмов психической саморегуляции, включа-

ющихся у женщины при возникновении беременности, направленных на сохранение гестации и создание условий для развития будущего ребенка, формирующих отношение женщины к своей беременности, ее поведенческие стереотипы [1].

Цель работы: исследовать ценностные ориентации женщин с оптимальным вариантом психологического компонента гестационной доминанты (ПКГД) и женщин с другими вариантами ПКГД различается.

Эмпирическую базу исследования составили 188 женщин в возрасте от 17 до 39 лет, находящиеся в ситуации беременности.

В ходе эмпирического исследования выборка была разделена на 4 анализируемые группы по степени выраженности рисков ПКГД: 1 - группа женщин преимущественно оптимального типа ПКГД (28,723%); 2 - группа женщин минимального риска (19,149%); 3 - группа женщин умеренного риска (37,234%); 4 - группа женщин максимального риска ПКГД (14,893%).

В нашей работе под термином *«риск»* мы подразумеваем некоторую вероятность того, что неблагоприятный эффект будет иметь место у индивидуума, группы при воздействии определенных вредоносных факторов, в нашем случае это неоптимальный тип ПКГД. Степень выраженности риска зависит и от степени выраженности не благоприятного ПКГД и от уровня его воздействия и сочетания с другими неблагоприятными факторами.

Материалы и методы исследования: анализ теоретических и прикладных работ по проблемам структуры ценностных ориентаций беременной женщины и типов ПКГД; наблюдение и беседа; комплекс эмпирических методов исследования: тест М. Рокича (методика «Ценностные ориентации»), «Методика изучения внешних и внутренних ценностей личности» (О.И. Мотков, Т.А. Огнева, 2008), «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» (С.С. Бубнова, 2004), «Экспресс-диагностика социальных ценностей личности» (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов, 2002), авторская анкета «Мотивы сохранения беременности» (Л.Н. Рабовалюк, 2011), проективный рисунок «Я и мой ребенок» (Г.Г. Филиппова, 2002), модифицированный восьмицветовой тест Люшера (Л.Н. Собчик), методика «Тест отношений беременной» (И.В. Добряков); статистическо-математическая обработка эмпирических данных: (критерии Mann Whitney и Wilcoxon для независимых выборок; корреляционный анализ (непараметрический коэффициент корреляции Kendall), дисперсионный и частотный анализ для количественных показателей; качественный анализ результатов. Статистический анализ результатов исследования осуществлялся с использованием программ Statistica 6.0. и SPSS 16.0.

Результаты исследования и их обсуждение

Сравнительный анализ ценностных ориентаций группы женщин с преимущественно оптимальным типом ПКГД и группы женщин с максимальным риском

Анализ риска ставит своей целью выбор оптимальных в данной конкретной ситуации путей устранения или снижения риска. Анализ риска включает три взаимосвязанных элемента: оценка риска для здоровья, управление риском и информирование о риске.Выкидыши в анамнезе беременных женщин группы максимального риска (ГрМ Р) встречаются статистически достоверно выше, чем у женщин с преимущественно оптимальным (пОт ПКГД) (W = 2059 при p = 0,001728). Можно предположить, что женщины, уже имеющие негативный опыт беременности (имеется в виду незавершенная беременность, закончившаяся выкидышем) провоцирует женщину на более тревожное отношение к своей настоящей беременности. При этом отметим, что данную группу женщин с максимальным риском составили женщины со смешанно-тревожным подтипом ПКГД. А тревожное отношение к настоящей беременности усугубляет соматический компонент гестации. И данные женщины ввиду их психологического состояния испытывают трудности (например, угроза невынашивания) вынашивание здорового малыша. И в данном случае, мы наблюдаем появление самой угрозы как психосоматического феномена у женщин этой группы. Угроза невынашивания беременности у женщин группы максимального риска гораздо чаще присутствует, нежели чем у женщин группы преимущественно оптимального типа ПКГД (W = 2007 при p = 0,007771). Но не стоит сбрасывать со счетов и чисто медицинские факторы, такие как генетическая предрасположенность и различные инфекции и т.д., обуславливающие саму угрозу невынашивания и объясняющие выкидыши в анамнезе, которые в том числе и объясняют развитие негативных психологических феноменов, таких как тревожности и неоптимальный тип ПКГД.

Неоспоримым фактом является большее количество детей у группы женщин с преимущественно оптимальным подтипом ПКГД **(пОт ПКГД)**, нежели чем у группы женщин с максимальным риском **(ГрМ Р)** (W = 1023 при p = 0,082003). В группе **(пОт ПКГД)** не имеют детей 64% женщин (35 женщин), а в группе **(ГрМ Р**) таковых – 85,7% (24 человека). Возможно, оптимизации психологического компонента гестационной доминанты способствует наличие детей, а возможно, женщины уже с заведомо оптимальным типом ПКГД легче решаются на рождение второго, причем косвенным подтверждением о наличии гармоничных отношений в семье служат доверительные отношения между супругами. И в таких доверительных отношениях первыми о беременности узнает супруг и мама (W = 2081 при p = 0,030539), а уж потом подруга и другие лица (гинеколог, соседи и т.д.).

Так у женщин группы преимущественно оптимального типа в 85,2% (46 женщин) случаев узнает первым о беременности супруг, а в группе максимального риска только 64,3% (18 женщин).

Что касается ценностных образований беременной женщины с разными группами типов ПКГД, то изучение данной проблематики необходимо начать с анализа результатов психодиагностического исследования при помощи методики изучения внешних и внутренних ценностей личности (О.И. Мотков, Т.А. Огнева, 2008), основанной на теории самодетерминации личности Э.Л. Диси и Р.М. Руаяна. Данная методика позволила нам изучать значимость и реализацию внешних и внутренних ценностей, конфликтность и атрибуцию причин их осуществления. Статистически достоверные различия были найдены по критерию конфликтности осуществления внешних ценностных ориентаций (W = 1474 при p = 0,047302) в группе максимального риска, что интерпретируется как величина разности между значимостью и реализацией (осуществление) внешних ценностей. В группе женщин с преимущественно оптимальным типом ПКГД данный показатель конфликтности значительно ниже, что может свидетельствовать о большей удовлетворенности потребности в реализации внешних ценностных ориентаций.

Таблица 1

Процентное распределение групп по уровням конфликтности осуществления внешних ценностных ориентаций

Уровень	***Диапазон (в баллах)***	***пОт ПКГД***	***ГрМ Р***
Высокий	1,50 ÷ 4,00	4,4%	24,9%
Средний	0,90 ÷ 1,49	21,6%	25,1%
Низкий	0,00 ÷ 0,89	73,8%	50%

Так, высокие показатели конфликтности осуществления внешних ценностных ориентаций в группе с максимальным риском наблюдаются у 24,9% беременных женщин, а в группе с преимущественно оптимальным типом только – 4,4%. Средний уровень конфликтности в обеих группах был примерно одинаковым (21,6% в **пОт ПКГД** и 25,1% – **ГрМ Р**), а низкий разительно отличался (73,8% у **пОт ПКГД**, 50% – **ГрМ Р**). Интересна для нас и атрибуция причин конфликтности. Так женщины **пОт ПКГД** чаще увеличивают роль собственных природных данных как фактор, способствующий реализации внешних ценностей (W = 602 при p = 0,064705), и собственные усилия в реализации внутренних ценностей (W = 603 при p = 0,06637), чего нельзя сказать о женщинах со смешанно-тревожным подтипом ПКГД. Возможно, эта недооценка

собственных усилий и природных данных косвенным образом и сказалась на конфликтности осуществления внешних ценностных ориентаций.

Высокое материальное благосостояние по методике «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» (С.С. Бубнова), под которым понимается стремление накопить материальные средства, делать деньги и создавать собственный бизнес, иметь более высокооплачиваемую работу, чем настоящая, любить зарабатывать деньги и получать от этого удовольствие и считать, что главное – это приобрести дом (квартиру), машину и другие материальные блага, более значимо для женщин **ГрМ Р** (W = 846 при p = 0,055049). Для женщин **пОт ПКГД** более актуальными становятся такие ценностные ориентации: любовь (W = 403 при p = 0,086763), общение (W = 394 при p = 0,069296), поиск и наслаждение прекрасным (W = 379 при p = 0,041038). Для них любовь – определяющее чувство в жизни, а брак чаще заключен по любви. Они в большинстве своем любят маленьких детей, и для них важнее любить самому, чем быть любимым. Женщин **пОт ПКГД** позиционируют себя как людей творческих, которых довольно часто посещает мысль, что хочется сходить в театр или на выставку, желание играть на музыкальных инструментах, рисовать. Они любят гулять по лесу, парку или занимаются фотографией. Вместе с тем потребность в общении у них высока, и они достаточно много свободного времени уделяют общению и считают, что без общения с друзьями жизнь будет тусклой и безрадостной.

Валидность результатов подтверждается и следующей методикой «Экспресс-диагностика социальных ценностей личности» (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов, 2002), которая выявила статистически достоверные различия по шкалам: финансовые и социальные ценности. Высокооплачиваемая работа, красивые машины, одежда, дом и т. д, одним словом финансовые ценностные ориентации, по Н.П. Фетискину, более значимы для женщин **ГрМ Р** (W = 1497 при p = 0,090415), а для женщин **пОт ПКГД** более актуальными являются социальные ценностные ориентации (W = 702 при p = 0,061874), такие как наличие нескольких близких друзей и знакомство с новыми людьми, участие в социальных мероприятиях. Социальные ценности, по Н.П. Фетискину, перекликаются с ценностями общения, по С.С. Бубновой, взаимно дополняя и обогащая друг друга.

Статистически достоверные различия между ценностными ориентациями женщин **ГрМ Р** и **пОт ПКГД** были выявлены при помощи методики: «Методика определения ценностных ориентаций М. Рокича», при этом мы учитывали обратный ранг значимости, т.е. более значимая ценностная ориентация имеет меньший ранг. Для женщин **пОт ПКГД** более значимы такие терминальные ценности:

жизненная мудрость (W = 1793 при p = 0,057221), продуктивная (W = 1736 при p = 0,012147) и счастливая семейная жизнь (W = 1811 при p = 0,076858) и уверенность в себе (W = 1814 при p = 0,091627). Эти женщины ценят в других и стараются культивировать в себе зрелость суждений, опираться на здравый смысл, достигаемый благодаря жизненному опыту, при этом максимально полно используют свои возможности и способности. Для них значима ценностная ориентация на счастливую семейную жизнь, которая во многом способствует оптимальности гестации, при этом необходима уверенность в себе некая внутренняя гармония и свобода от внутренних противоречий, сомнений. Вместе с тем, средством (инструментальной ценностью) к достижению цели чаще для женщин **пОт ПКГД** выступает терпимость к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения (W = 1813 при p = 0,090036).

Женщины **ГрМ Р** больше ориентированы на развитие (W = 943 при p = 0,08749), они постоянно работают над собой, непрерывно физически и духовно совершенствуются, при этом не забывают про развлечения. Данная ценностная ориентация у женщин **ГрМ Р** (W = 903 при p = 0,032844) статистически более значима. Приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей привлекают женщин **ГрМ Р** (стоит вспомнить, что у женщин данной группы гораздо меньший процент женщин уже имеют детей – 14,3%, 36% у женщин **пОт ПКГД**). Так же высоко ценятся женщинами группы максимального риска: свобода (W = 904 при p = 0,03444), как самостоятельность и независимость в суждениях и поступках, и материально обеспеченная жизнь (W = 841 при p = 0,00547), отсутствие каких-либо материальных затруднений. И как инструмент или средство для достижения поставленных целей женщины **ГрМ Р** чаще используют воспитанность и хорошие манеры (W = 909 при p = 0,038753).

Разработанная нами методика помогла нам лучше понять мотивы сохранения беременности, которые во многом объясняют систему отношений женщины и ее структуру ценностных ориентаций [8].

Женщины **ГрМ Р** чаще несколько фрустрированы ситуацией беременности и становлением себя в роли матери из-за ограничения свободы (W = 722 при p = 0,000002,61). Вместе с субъективным ощущением ограничения свободы, эгоистическими тенденциями и некоторой неготовностью жертвовать своим временем и развлечениями ради детей и семьи, женщины **ГрМ Р** озабочены собственным здоровьем (W = 770 при p = 0,000914), в смысле негативного влияния беременности на собственный организм. У них присутствуют страхи, связанные с изменениями тела, страхи утраты детородной функции, убежденность в том, что после беременности непременно испортятся зубы и выпадут волосы. Женщин **ГрМ Р**

гораздо чаще посещают мысли о негативных последствиях беременности, и как беременность может «навредить» их собственному здоровью и красоте в целом.

Более высокая степень тревожности к материнству и пессимистический настрой, отражающий низкую готовность к материнству, гораздо чаще встречался у женщин **ГрМ Р** (W = 802 при p = 0,007019), чем у женщин с преимущественно оптимальным типом ПКГД. Женщины **ГрМ Р** часто отмечали: «боюсь, что не смогу достаточно заботиться и уделять внимания своему ребенку», «ребенок доставляет много проблем», «детей трудно дисциплинировать и контролировать», «дети доставляют беспокойство, особенно, когда они больны», «невозможно проводить много времени с мужем, когда есть дети», «дети влекут за собой появление новых проблем в браке», «дети создают проблемы с соседями и обществом».

Мотивом сохранения беременности у женщин **ГрМ Р** довольно часто выступало стремление иметь существо, которое воплотит собственные нереализованные планы, мечты и желания (W = 750 при p = 0,000212). Гораздо чаще женщины **ГрМ Р** надеются, что их «жизнь будет продолжаться через детей», что «люди, имеющие детей, реже бывают одинокими в пожилом возрасте», «чтобы чувствовать себя кому-то нужной», «чтобы был хотя бы один близкий человек». Они при помощи детей стараются самореализоваться. О данном факте свидетельствуют утверждения: «дети повышают чувство ответственности и помогают развиваться», «хочу поделиться с детьми тем, чем владею сама», «благодаря ребенку я смогу найти новых друзей». Данный блок помогает выявить надежды женщины в том, что «дети смогут помочь ей в пожилом возрасте» и «ребенок будет помогать по дому», а «рождение второго ребенка улучшит материальное положение».

Интересно отметить, что не было выявлено достоверных различий между группами исследуемых женщин по конструктивным мотивам сохранения беременности, чего нельзя сказать о деструктивных мотивах к которым, в том числе, относится десятый блок нашей анкеты, выявляющий страхи и компенсации женщины. Женщины **ГрМ Р** гораздо чаще (W = 778 при p = 0,001572), чем женщины с преимущественно оптимальным типом, отмечают, что «в семье должно быть больше одного ребенка, потому как никто не застрахован от несчастного случая», «хочу заменить родившимся ребенком утраченного близкого человека (умершего, бросившего)»; «теперь, когда есть ребенок, родители вынуждены смириться с браком», «хочу показать родителям, что стала самостоятельной», «хочу родить «назло» партнеру (или кому–либо)»; «хочу родить только для себя»; «ребенок начало нового этапа в жизни, все плохое уже позади».

Сравнительный анализ ценностных ориентаций группы женщин с преимущественно оптимальным типом ПКГД и группы женщин с умеренным риском

Условно выделенная группа умеренного риска (**ГрУ Р)** отличается от группы максимального риска степенью влияния риска (негативного фактора, в данном случае неоптимальным типом ПКГД), меньшей тревожностью и умеренной вероятностью возникновения факторов риска. Которые проявляются в потенциально опасных (для собственного здоровья беременной женщины и здоровья ее ребенка) особенностях поведенческого, биологического, генетического, экологического, социального и психологического характера. Факторы риска повышают вероятность развития заболеваний и осложнений протекания беременности с неблагоприятным исходом.

Женщины группы умеренного риска ПКГД отличаются от женщин **ГРМ Р** также качественной характеристикой, потому как в состав **ГрУ Р** по факту вошли женщины, имеющие оптимально-тревожный подтип ПКГД (34 женщины), оптимально-депрессивный подтип ПКГД (4 женщины), эфоро-тревожный подтип ПКГД (6 женщин), смешанный подтип ПКГД (26 женщин).

В анамнезе беременных женщин **ГрУ Р**, так же как и у женщин **ГрМ Р**, выкидыши встречаются статистически достоверно выше чем у **пОт ПКГД** (W = 3097 при p = 0,030993). Похожая ситуация наблюдается и с угрозой невынашивания беременности, которая чаще встречается у женщин **ГрУ Р** (W = 3042 при p = 0,092317), чем у женщин с преимущественно оптимальным типом ПКГД.

Стоит обратить внимание, что в целом уровень образования у женщин с преимущественно оптимальным типом ПКГД существенно отличается от женщин **ГрУ Р** (W = 2931 при p = 0,02635). Больше половины (66,7%) женщин **пОт ПКГД** имеют высшее образование, которое во многом по нашему мнению, способствует оптимизации периода беременности и способствует более оптимальному психологическому компоненту гестационной доминанты. Доказано, что люди, имеющие высшее образование, не только имеют другой взгляд на многие вещи, но и дольше живут, быстрее выходят из стрессовых ситуаций и социальный статус у них выше.

Таблица 2

Образование и семейное положение женщин с преимущественно оптимальным типом ПКГД и группой женщин с умеренным риском

		женщины **ГрУ Р**		женщины **пОт ПКГД**	
Образование	Высшее	30	42,9%	36	66,7%
	Среднетехническое и средне - специальное	4	37,1%	12	22,2%
	Незаконченное высшее	7	10,0%	4	7,4%
	Среднее	7	10,0%	2	3,7%
Семейное положение	Не замужем	3	4,2%	4	7,4%
	Брак зарегистрирован	44	62,8%	40	74,1%
	Незарегистрированный брак (сожительство)	23	32,9%	10	18,5%
Всего		70		54	

Семейное положение у женщин **пОт ПКГД** тоже отличается (W = 3019 при p = 0,054515), в сторону официально зарегистрированных браков. В данном случае вопрос остается открытым, или официально зарегистрированный брак способствует более оптимальному психологическому компоненту гестационной доминанты, или же его отсутствие усугубляет положение, и является негативным фактором, способствующим возникновению риска осложнений беременности. Женщины с **пОт ПКГД** гораздо реже вынашивают беременность, не регистрируя отношения официально.

О.И. Мотков, Т.А. Огнева (2008) утверждают, что большая выраженность (значимость) внешних или внутренних ценностей связана со степенью удовлетворения базовых, изначальных психологических потребностей личности в автономии (самостоятельности и независимости), в компетентности (эффективности), и в значимых межличностных отношениях [5]. Их удовлетворение ведет к личностному развитию и психологическому здоровью, к развитию внутренних ценностей личностного роста, привязанности и любви, служению обществу, здоровью. В результате исследования ценностных ориентаций, рассмотренных с позиции группировки их по оси внешнее – внутреннее, были выявлены достоверные различия по шкалам значимости внешних и внутренних ценностных ориентаций. Значимость внутренних (W = 3092 при p =

0,072118) и внешних (W = 3076 при p = 0,05769) ценностных ориентаций у женщин **пОт ПКГД** выше чем, у женщин **ГрУ Р**.

Статистически достоверных результатов по осуществлению внешних и внутренних ценностных ориентаций среди анализируемых групп не было выявлено, но, вместе с тем, были выявлены статистически достоверные отличия по шкале конфликтности реализации внешних ценностных ориентаций (W = 2831,5 при p = 0,01511). Таким образом, значимость (потребность в данной ценностной ориентации) для личности высока, а ее осуществление (реализация) недостаточно, в результате возникает конфликт ценностей. Следует отметить, что если конфликт существует, и его степень не запредельна, а находится на уровне адаптационных возможностей, то данный фактор является стимулом к действию, большему (скорейшему) осуществлению (реализации) данной ценности, при достаточно высокой поисковой активности и благоприятном психологическом состоянии.

Данные по группам таких причин реализации ценностных ориентаций, как внешние обстоятельства и собственные усилия, практически не отличаются (Таблица 3). Вместе с тем, влияние фактора собственные природные данные как причины реализации ценностей разительно отличаются, и женщины с **пОт ПКГД** наделяют его большей значимостью. Причем значимость собственных природных данных в реализации как внешних (W = 3049,5 при p = 0,084046), так и внутренних ценностей (W = 3055 при p = 0,091059) выше у женщин **пОт ПКГД.**

Таблица 3

Процентное распределение групп по уровням конфликтности осуществления внешних ценностных ориентаций

Уровень	***Диапазон (в баллах)***	***пОт ПКГД***	***ГрУ Р***
Высокий	1,50 ÷ 4,00	4,4%	6,7%
Средний	0,90 ÷ 1,49	21,6%	20,0%
Низкий	0,00 ÷ 0,89	73,8%	73,3%

Ценностная ориентация на любовь (W = 1126 при p = 0,007348), семейные (W = 3071,5 при p = 0,045209) и социальные (W = 3040 при p = 0,034334) ценности выше у женщин **пОт ПКГД**. Для них становится немаловажным удачное замужество и времяпрепровождение в кругу семьи, при этом существует необходимость в признании и уважении другими людьми (W = 1198,5 при p = 0,065776). Для женщин **ГрУ Р** более значимы духовные ценностные ориентации (W = 2111 при p = 0,013128), они более

религиозны и больше времени уделяют размышлениям, религии и медитациям.

Характеризуя структуру терминальных и инструментальных ценностных ориентаций женщин **ГрУ Р**, можно отметить, что они по сравнению с женщинами **пОт ПКГД** больше ориентированы на развлечения (W = 3906,5при p = 0,04158). Необремененность, отсутствие обязанностей и приятное времяпрепровождение в сочетании с такими инструментальными ценностными ориентациями как непримиримостью к недостаткам в себе и других (W = 3521,5 при p = 0,003793), честностью и искренностью (W = 3710 при p = 0,066241) отличают их от женщин **пОт ПКГД**. Возможно, эти ценностные ориентации являются дополнительными факторами риска, определяющими неоптимальный компонент гестационной доминанты.

По сравнению с **ГрУ Р**, для женщин **пОт ПКГД** более значимы ценностные ориентации на активную эмоционально насыщенную деятельную жизнь (W = 2629 при p = 0,034388), при максимально полном использовании своих возможностей, сил и способностей (ценностная ориентация на продуктивную жизнь) (W = 2643,5 при p = 0,04158), с возможностью творческой деятельности (ценностная ориентация на творчество) (W = 2678,5 при p = 0,061576). При этом средством к достижению цели является аккуратность (чистоплотность), умение содержать в порядке вещи и дела (W = 2620 при p = 0,052274). Причем, женщины с **пОт ПКГД** гораздо реже отказывались от предложения нарисовать своего будущего ребенка (W = 2789 при p = 0,061576), чего нельзя сказать о женщинах **ГрУ Р**, что еще раз говорит о творческой направленности женщин **пОт ПКГД** и об отсутствиях конфликтов с беременностью.

Преимущественно оптимальный тип психологического компонента гестационной доминанты отмечается у женщин, которые относятся к своей беременности ответственно, но без излишней тревоги. Как правило, отношения в семье гармоничные, беременность желанная и «готовность к материнству» (опросник Мотивов сохранения беременности) у них гораздо выше (W = 881,5 при p = 0,001297), чем у женщин **ГрУ Р.** У женщин **пОт ПКГД** преобладают конструктивные мотивы сохранения беременности, как правило, они чаще утверждают, что: «я очень люблю детей», «мы с супругом любим друг друга и хотим иметь общего ребенка», «хочу любить ребенка и заботиться о нем», «хочу ощутить радость материнства», «дети — это счастье», «получаю удовольствие, когда наблюдаю за тем, как ребенок растет», «испытываю радость иметь маленького ребенка», «особенная любовь, развивается между родителем и ребенком», «в доме весело, когда есть дети». Мотивы сохранения беременности женщин **ГрУ Р** носят более деструктивный характер. Это отражается в наличии страхов и компенсаций (W = 1037 при p =

0,034513), в более низкой готовности к материнству (W = 1014,5 при p = 0,017066). Женщины **ГрУ Р** считают, что «в семье должно быть больше одного ребенка, потому как никто не застрахован от несчастного случая», хотят «заменить родившимся ребенком утраченного близкого человека (умершего, бросившего)», стремятся при помощи ребенка «показать родителям, что стали самостоятельными», что при наличии ребенка «родители будут вынуждены смириться с браком». А также хотят «родить «назло» партнеру (или кому–либо)» или «родить только для себя», и что после рождения ребенка, который символизирует «новый этап в жизни, все плохое останется позади». При этом присутствует высокая степень тревожности к материнству, пессимистический настрой. Женщины **ГрУ Р** опасаются «что не смогут достаточно заботиться и уделять внимания своему ребенку», «ребенок доставляет много проблем», «детей трудно дисциплинировать и контролировать», «дети доставляют беспокойство, особенно, когда они больны», «невозможно проводить много времени с мужем, когда есть дети», «дети влекут за собой появление новых проблем в браке», «дети создают проблемы с соседями и обществом».

Вместе с тем женщины **ГрУ Р** стремятся иметь существо, которое воплотит нереализованные планы, мечты и желания матери (W = 1042,5 при p = 0,041686). Эти женщины надеются, что их «жизнь будет продолжаться через детей», что «люди, имеющие детей, реже бывают одинокими в пожилом возрасте», «чтобы чувствовать себя кому-то нужной», «чтобы был хотя бы один близкий человек». Они при помощи детей стараются самореализоваться, утверждая, что «дети повышают чувство ответственности и помогают развиваться», «хочу поделиться с детьми тем, чем владею сама», «благодаря ребенку я смогу найти новых друзей». Данный блок помогает выявить надежды женщины на то, что «дети смогут помочь ей в пожилом возрасте», и «ребенок будет помогать по дому», а «рождение второго ребенка улучшит материальное положение семьи».

У женщин **ГрУ Р** отмечается схожая мотивация сохранения беременности с **ГрМ Р**, в корне отличающаяся от группы женщин от **пОт ПКГД,** в плане сохранения беременности из-за возможных негативных последствий для собственного здоровья, которые может вызвать незапланированная беременность (W = 1072,5 при p = 0,09568). То же самое касается и субъективного ощущения ограничения свободы у женщин **ГрУ Р** (W = 1017,5 при p = 0,019265), у них возникает некоторый внутренний конфликт между якобы желанием иметь ребенка и неготовностью жертвовать своим временем и развлечениями ради детей и семьи и желанием посвятить себя карьере или учебе, при высокой степени субъективной тревожности к возможным материальным (финансовым) затруднениям, связанными с появление ребенка (W = 1028,5 при p = 0,027225).

Женщин **ГрУ Р** больше заботит отсутствие благоприятных жилищных условий для малыша, они больше обеспокоены за будущее своего малыша и его благосостояние, так как по их мнению «дети являются серьезной финансовой нагрузкой», и что скорее всего они не смогут дать им «достойное образование и развитие». Утверждения женщин **ГрУ Р** о том, что будет «тяжело» материально поднять ребенка, объясняются не только чисто личностными особенностями, но и объективными. Стоит напомнить, что семейное положение данной группы существенно отличается от женщин **пОт ПКГД** в сторону меньшего количества официально-зарегистрированных браков.

Сравнительный анализ ценностных ориентаций группы женщин с преимущественно оптимальным типом ПКГД и группы женщин с минимальным риском

Условно выделенная нами группа минимального риска **(Грм Р)**, составляет всего 19% (36 женщин) от всей выборки женщин. **Грм Р** состоит из оптимально-гипогестогнозического подтипа ПКГД на 11,1%, эфоро-оптимальныго подтипа ПКГД на 55,6% и гипогестогнозо-оптимального подтипа ПКГД на 33,3%. Основным сходством, объединяющим данные подтипы в группу минимального риска, является наличие почти 50% ответов по оптимальному типу в сочетании с каким-либо другим подтипом, отсутствие тревожности. Несмотря на отсутствие тревожности и полуоптимальные типы ПКГД, женщин **Грм Р** (впрочем как у **ГрУ Р** и **ГрМ Р)** отличает от женщин **пОт ПКГД** большее количество выкидышей в анамнезе (W = 2363 при p = 0,095369) и более частая встречаемость угроз невынашивания беременности (W = 2268 при p = 0,067788). Статистически достоверные результаты были выявлены и по виду родоразрешения (W = 1449 при p = 0,034934). Стоит отметить, что у нас собраны неполные данные по способу родоразрешения беременных женщин, так как были случаи, что беременные женщины проходили обследование в данном роддоме, а рожать в данный роддом не шли, и дальнейшая судьба и исход родов в данном случае нам не известен. Но, из известных нам случаев родоразрешения женщин **пОт ПКГД,** не было женщин, которые бы родили ребенка не естественным образом (не через родовые пути). Чего нельзя сказать о женщинах **Грм Р**. У женщин группы минимального риска 11,1% было плановое кесарево сечение, в 5,6% операция кесарева сечения была проведена экстренно, и только 16,7% женщин этой группы родили ребенка через естественные родовые пути (66,7% - результат родовой деятельности нам не известен).

У женщин **Грм Р** (впрочем как у **ГрУ Р)** есть характерное сходство и отличительная особенность от женщин **пОт ПКГД** в том, что они принижают значимость внутренних ценностных ориентаций (W = 609 при p = 0,047775), причем и осуществление (реализация)

внутренних ценностных ориентаций у женщин группы минимального риска ниже (W = 627,5 при p = 0,081484), чем у **пОт ПКГД.** В связи с этим у **Грм Р** не возникает конфликтности ценностных ориентаций, так как невысокие показатели осуществления (реализации) ценностных ориентаций компенсируются их низкой значимостью. Женщины **пОт ПКГД** наделяют большей значимостью влияние таких факторов, способствующих реализации внутренних ценностей, как «мои природные данные» (W = 600 при p = 0,060957) и «собственные усилия» (W = 532 при p = 0,004997).

При диагностики реальной структуры ценностных ориентаций личности по методике, разработанной С.С. Бубновой, мы выявили, что у женщин **пОт ПКГД** выше значимость ценностной ориентации «помощь и милосердие к людям» (W = 245 при p = 0,012906). А по результатам с помощью методики «Экспресс-диагностика социальных ценностей личности» у женщин **Грм Р** выше значимость финансовых (W = 1443 при p = 0,057819) и физических (W = 1435,5 при p = 0,045374) ценностных ориентаций. Таким образом, высокооплачиваемая работа и материальные ценности, такие, как наличие красивой машины и одежды, сбалансированная диета и спортивная форма для женщин группы минимального риска более значимы, чем для женщин преимущественно оптимального типа ПКГД, которые больше ценят здоровье своих близких и собственное здоровье в целом (W = 138,5 при p = 0,03262).

Результаты диагностики структуры ценностных ориентаций у женщин с разными группами типов ПКГД подтверждаются и дополняются тестом «Ценностных ориентаций» М. Рокича, тем самым подтверждая валидность методов. Так, ценностная ориентация на материально обеспеченную жизнь (отсутствие материальных затруднений) выше у женщин **Грм Р** (W = 1360,5 при p = 0,069751). Эти же результаты мы видели в методике Н.П. Фетискина, В.В. Козлова, Г.М. Мануйлова «Экспресс-диагностика социальных ценностей личности». Вместе с данной ценность-целью, женщины **Грм Р** достоверно наделяют большей значимостью такие терминальные ценностные ориентации: наличие хороших и верных друзей (W = 1352 при p = 0,059406), счастье других (W = 1365 при p = 0,07567), то есть благосостояние, развитие и совершенствование других людей, всего народа и человечества в целом. И достоверно отличающимися ценностями-средствами для них является жизнерадостность (чувство юмора) (W = 1270,5 при p = 0,00941), аккуратность (чистоплотность), умение содержать в порядке вещи, порядок в делах (W = 1335 при p = 0,041912).

Для женщин **пОт ПКГД** более значимы ценностные ориентации на продуктивную жизнь (W = 1661,5 при p = 6,15E-06), с возможностью творческой деятельности (ценностная ориентация на творчество) (W = 1904,5 при p = 0,016161). При этом средством к

достижению цели является рационализм (W = 1908 при p = 0,018803), самоконтроль (W = 1717 при p = 5,8E-05).

Несмотря на то, что у женщин группы минимального риска нет тревожного компонента по поводу беременности, предстоящих родов и системы взаимоотношений, готовность к материнству у них достоверно ниже (W = 243 при p = 0,014706), а беспокойство по поводу ожидающегося «ограничения свободы» выше (W = 783 при p = 0,040474). И данный фактор объясняется характеристикой подтипов, входящих в **Грм Р**, так как 44,4% от всей совокупности **Грм Р** составляют женщины с оптимально-гипогестогнозическим и гипогестогнозо-оптимальным подтипами ПКГД, которые в свою очередь, выбирая между значимостью «ценность ребенка» и «ценность карьеры», выбирают последнее, при чем гораздо реже оставляют беременность ради сохранения отношений (W = 259 при p = 0,043121), чем женщины **пОт ПКГД**. Которые чаще, чем женщины **Грм Р** считают, что «беременность поможет сохранить отношения», или «в случае беременности партнер женится на ней (они официально зарегистрируют брак)», а так же «дети помогут сблизить с мужем», который «не оставит одну с ребенком», и вообще «родительство улучшает положение и репутацию среди родственников (или коллег)».

Заключение

Проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу и позволило выявить особенности структур ценностных ориентаций женщин с разными группами типов ПКГД, разработать следующие рекомендации психологического сопровождения беременных женщин:

Рекомендовано на основе выделенной автором подклассификации типов ПКГД, разделить беременных женщин на выше указанные психокоррекционные группы, требующие разной степени и продолжительности психологического сопровождения.

Рекомендовано для психокоррекции «проблемных зон», которые были выявлены во время психодиагностики обращаться к различным уровням (структурам) беременной женщины: личностному уровню (работа с ценностями, мотивацией, смысловыми образованиями, установками); эмоциональному уровню (поощрение открытого выражения чувств вербальными и невербальными средствами, обучение эмпатийному слушанию); когнитивному уровню (передача знаний); операциональному уровню (формирование навыков и умений, а именно поведения в родах, ухода за ребенком); психофизичесому уровню (обучение регуляции функциональных и психических состояний средствами аутогенной тренировки, арттерапии, телесноориентированной терапии).

Рекомендовано проводить работу психолога совместно с другими специалистами и окружением беременной женщины.

отдельным пунктом стоит работа с отцом будущего ребенка, которого необходимо готовить к отцовству не меньше, чем будущую маму. Психологическая помощь должна быть оказана, исходя из индивидуальных особенностей личности женщины от социальных, психологических и физиологических факторов, оказывающих влияние на данную проблему.

Из эмпирических данных проведенного исследования были выявлены ценностные ориентации, непосредственно (связанные) влияющие на оптимальность ПКГД «семейные ценности» «поиск и наслаждение прекрасным», «любовь», «социальные ценности», «продуктивность жизни», «воспитанность», «рационализм» и «терпимость к взглядам и мнениям других».

По итогам теоретического и экспериментального анализа проблемы нами отмечается, что вопросы, требующие изучения, далеко еще не исчерпаны. За рамками данной работы осталось исследование динамики ценностных ориентаций женщин с разными типами ПКГД во время беременности, исследование ценностных ориентаций материнской и отцовской доминанты, лонгэтюдное исследование формирования материнской и отцовской доминант и их связь с ценностными ориентациями.

Список литературы

1. *Добряков, И.В.* Клинико-психологические методы определения типа психологического компонента гестационной доминанты// Хрестоматия по перинатальной психологии: Психология беременности, родов и послеродового периода / Сост. А.Н. Васина. – М.: 2005. – С. 93 – 101.

2. *Завьялова, Ж.В.* Психологическая готовность к родам и методы ее формирования. Автореф. дис…к. психол. н. - М., 2000. – 23 с.

3. *Лазарева, Н.И.* Оптимизация метода психопрофилактической подготовки беременных к родам: автореф. дисс. … канд. мед. наук. М., 2006; 29.

4. *Минюрова, С.А., Тетерлева Е.А.* Диалогический подход к анализу смыслового переживания материнства // Вопр. психол. – 2003. - №4. С. 63 – 75.

5. *Мотков, О.И., Огнева Т.А.* Методика «Ценностные ориентации». – М., 2008. [Электронный ресурс]: URL:http://psychology.rsuh.ru/motkov.htm; http://www.psychology-online.net/articles/doc-1128.html www.psychology-online.net/articles/doc-1128.html (дата обращения: 19.06.2011).

6. *Олифирович, Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф.* Психология семейных кризисов. — СПб.: Речь, 2006. — 360 с

7. *Рабовалюк, Л.Н.* Материнство с позиции доминантности /Л.Н. Рабовалюк // Научная дискуссия: инновации в современном мире: материалы I международной заочной научно-практической конференции. Часть II. (23 мая 2012 г.) – Москва: Изд. «Международный центр науки и образования», 2012. – С. 95-109.

8. *Рабовалюк, Л.Н.* Методика исследования мотивов сохранения беременности (МИМСБ) / Л.Н. Рабовалюк // Молодой ученый. — 2012. — №6. том 2. – С. 350-356.

9. *Рабовалюк, Л.Н.* Ценность материнства / Л.Н. Рабовалюк // Ценностные основания психологии и психология ценностей: Сб. мат. IV Сибирского психологического форума – Томск: Изд-во Томское университетское издательство, 2011. – С. 71-74.

10. *Рабовалюк, Л.Н.* Выделение подтипов ПКГД, на основе теста отношений беременной И.В. Добрякова / Л.Н. Рабовалюк // Социальные науки и общественное здоровье: теоретические подходы, эмпирические исследования, практические решения: материалы II международной научно-практической конференции 20–21 апреля 2012 года. – Пенза – Москва – Витебск: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – С. 124-136.

11. *Филиппова, Г.Г.* Материнство и основные аспекты его исследования в психологии // Вопр. психол. – 2001. - №2. С. 22 – 36.

12. *Филиппова, Г.Г.* Психология материнства: Учебное пособие. — М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. — 240 с.

Bibliography

1. Dobriakov, I.V. Kliniko-psikhologichesky definition methods such as a psychological component of a gestational dominant//the Anthology of perinatal psychology: Psychology of pregnancy, childbirth and postnatal period / A.N. Vasina. – M: 2005. – P. 93-101.

2. Zavyalov, Zh.V. Psychological readiness for childbirth and methods of its formation. - M, 2000. – 23 p.

3. Lazarev, N.I. Optimizatsiya of a method of psychopreventive preparation of pregnant women to childbirth: - M, 2006, - 29 p.

4. Minyurova, S.A., Teterleva E.A. A dialogical approach to the analysis of semantic experience of motherhood// Psychology questions. – 2003. - No. 4. P. 63-75.

5. Motkov, O.I., Ogneva T.A. Technique «Valuable orientations». – M, 2008. [Electronic resource]: URL:http://psychology.rsuh.ru/motkov.htm; http://www.psychology-online.net/articles/doc-1128.html www.psychology-online.net/articles/doc-1128.html (address date: 19.06.2011).

6. Olifirovich, N. A., Zinkevich-Kuzemkina T.A., Velenta T.F. Psychology of family crises. — SPb.: Speech, 2006. — 360 p.

7. Rabovalyuk, L.N. Motherhood from dominantnost /L.N Rabovalyuk//Scientific discussion: innovations in the modern world: materials I of the international correspondence scientific and practical conference. Part II. (on May 23, 2012) – Moscow: Prod. «The international center of science and education», 2012. – P. 95-109.

8. Rabovalyuk, L.N. Technique research of motives preservation of pregnancy (МИМСБ) / L.N.Rabovalyuk//Young scientist. — 2012. — No. 6. volume 2. – P. 350-356.

9. Rabovalyuk, L.N. Value motherhood / L.N. Rabovalyuk//Valuable bases of psychology and psychology of values:. The IV Siberian psychological forum – Tomsk: Publishing house Tomsk university publishing house, 2011. – P. 71-74.

10. Rabovalyuk, L.N. Allocation of PCGD subtypes, on the basis of the test of the relations of pregnant woman I.V. Dobryakov. Rabovalyuk//Social sciences and public health: theoretical approaches, empirical researches, practical decisions: materials II of the international scientific and practical conference on April 20-21, 2012. – Penza – Moscow – Vitebsk: Scientific and publishing center «Sotsiosfera», 2012. – P. 124-136.

11. Filippova, G.G. Motherhood and the main aspects of his research in psychology// Psychology questions. – 2001. - No. 2. P. 22-36.

12. Filippova, G.G. Psychology of motherhood: Manual. — M: Publishing house of Institute of Psychotherapy, 2002. — 240 p.

INTERNAL CORPORATE GOVERNANCE AND THE USE OF IPO OVER-FINANCING: EVIDENCE FROM CHINA

Xin Xu

School of Accounting, Zhongnan University of Economics and Law, China

In this paper, we describe how Shenzhen A-share listed companies used funds raised in over-financed IPOs during the 2006–2010 period. In exploring the relationship between internal corporate governance and the use of funds raised in over-financed IPOs, we find that the use of such funds to engage in severe over-investment behavior is prevalent among listed companies. Reasonable internal corporate governance mechanisms can effectively alleviate over-investment problems listed companies encounter in using funds raised in over-financed IPOs. However, the same individual serving as both chairman and CEO leads to funds raised in over-financed IPOs being over-invested. Moreover, executives driven by high levels of monetary compensation are more likely to use funds raised in such IPOs to engage in over-investment. We find that improving the balance of power between shareholders will help alleviate the over-investment of excess IPO funds. In addition, the over-investment problem is less severe in state-controlled listed companies than in their non-state-controlled listed counterparts. This study provides policy recommendations for Chinese securities regulators to ensure listed companies use funds raised in over-financed IPOs both rationally and effectively.

1. Introduction

Each year since its establishment in 1991, the Chinese capital market has hosted a considerable number of newly listed companies with over-financed IPOs, i.e. those where the amount of funds actually raised is greater than the size of the planned financing. As a phenomenon unique to China's capital market, IPO over-financing has become an important concern for the China Securities Regulatory Commission, China's domestic financial media and scholars alike. In addition, the frequent occurrence of over-financed IPOs in the newly established Growth Enterprises Market indicates that studying and resolving the IPO over-financing problem to enhance resource allocation efficiency in the Chinese capital market and maintain the healthy development of this new market is both important and urgent. Supervising and ensuring the rational use of funds listed companies raise in IPOs to protect the interests of general investors has recently become the focus of Chinese securities regulatory authorities.[1] Existing research fails to provide a clear explanation of how listed companies use funds raised in over-financed IPOs after meeting their established financing needs, whether listed companies misuse or waste such funds and whether they engage in over-investment and other types of

behavior against the interests of investors when using the proceeds of over-subscribed IPOs. We consider these issues important and address them in this paper.

The question of how to use funds raised in over-subscribed IPOs in a reasonable and effective manner not only tests the business wisdom of listed company executives, but also examines their professional integrity. We consider that the use and investment of funds raised in over-financed IPOs among Chinese listed companies provide a natural setting for examining the relationship between internal corporate governance mechanisms and corporate investment decisions. It also provides a better environment for testing the effectiveness of internal corporate governance. There are two main reasons for this. First, the use and investment of the funds raised in over-financed IPOs more truly reflect the real motives of executives. The relevant provisions require that funds raised by a listed company through a public offering must be used for specific purposes in accordance with the applicable commitments in the prospectus.[2] However, the use of excess funds raised in such offerings is not subject to this rule. There is no commitment related to an established purpose and investment plan for funds raised in excess of the IPO target, and no problem would arise even if the investments for which such funds were used changed. Because excess funds raised in IPOs are essentially an extra source of finance given to the company by its shareholders when the company goes public, shareholders do not immediately require cash dividends from such capital, which is akin to manna from heaven. Therefore, listed companies can use this portion of additional funds as they wish. In addition, the huge amount of funds raised in over-financed IPOs also induces companies to engage in rapid investment and expansion. After meeting the funding needs of the enterprise's established investments, the listed company's executives are more likely to use funds raised in an over-financed IPO to further their own interests because of agency problems. Hence, the use and investment of excess funds raised in over-financed IPOs are more reflective of the real motives of executives. This provides us with a better opportunity to test the effect of internal corporate governance.

Second, analysis of the ways in which excess funds raised in over-financed IPOs are used may help us distinguish between firms that engage in distinct forms of over-investment. The public financing of enterprise investment projects is approved following rigorous discussion by the board of directors and at the shareholders meeting. In addition, Chinese financings are currently managed through an examination and approval system. The use of project financing funds is subject to stringent scrutiny by the China Securities Regulatory Commission (CSRC). Chinese enterprises are required to submit their prospectus to the issuance examination committee of the CSRC during the listing process. Investment projects are the focus of scrutiny by the CSRC issuance examination committee. In accordance with relevant laws and regulations, such as the Administrative

Measures for Initial Public Offerings and Listings and the Interim Measures for the Administration of Initial Public Offerings and Listings on the Growth Enterprises Market, funds raised should be used for the main business of the issuer and should be compatible with the issuer's existing scale of production operations, financial condition, level of technology and management capabilities, as well as being in line with laws, rules and regulations covering national industrial policy, investment management, environmental protection, land management and other matters. If the funds raised are not used in compliance with the IPO conditions, the application of the company to go public will be rejected by the CSRC.[3] Therefore, the IPO investment plan formed through the approval process should be relatively scientific and reasonable, and the size and purpose of IPO investment projects must comply with the requirements of appropriate regulations, as well as being closely aligned to the company's corporate investment and development needs over the next few years. However, if a listed company continues to use excess IPO funds to invest in projects outside the scope of the established investment plan, it is more likely to engage in over-investment, which will inevitably result in a decline in the rate of return on investment, thus providing us with a good opportunity to explore whether internal governance inhibits corporate over-investment.

We make a number of theoretical contributions to the literature in this paper. First, by targeting the IPO over-financing phenomenon unique to the emerging capital market of China, we explore agency problems experienced by listed companies using funds raised in over-financed IPOs. We find that most listed companies engage in severe over-investment when using excess IPO funds. This finding complements and expands free cash flow theory in the corporate finance literature. Second, listed companies with good internal corporate governance can effectively alleviate the over-investment problem, reduce over-investment in the use of funds raised in over-financed IPOs, and improve the efficiency with which such funds are used. This conclusion not only adds to our understanding of the role of corporate governance and expands our conception of the part played by corporate governance in emerging capital markets and improving investment efficiency, but also provides a basis for corresponding policy recommendations for Chinese securities regulators to ensure listed companies use funds raised in over-financed IPOs in a rational manner. Third, we extend the line of research examining how listed companies use and invest funds raised through public offerings. Previous studies of the domestic market in China show listed companies frequently change the investment projects to which they are committed and seriously undermine the interests of small shareholders in their use of money raised through public offerings. This type of behavior also occurs in the use of funds raised in over-financed IPOs, suggesting the use and investment of funds raised through public offerings must be closely governed.

The remainder of this paper is organized as follows. In Section 2, we outline our theoretical analysis and develop our hypotheses. Section 3 presents the research design and Section 4 provides the test results and empirical analysis. Additional checks are discussed in Section 5. Section 6 concludes the paper.

2. Theoretical analysis and hypotheses

The main function of the capital market is to optimize resource allocation and distribute funds among high-quality corporations requiring funds for development. However, the over-allocation of funds to good enterprises will also result in a low level of resource allocation efficiency in the capital market. Consequently, the over-financing of an enterprise implies the reduction and disappearance of financing opportunities for other enterprises that urgently need funding ([Jiang and Li, 2010] and [Fang and Fang, 2010]). The essence of the IPO over-financing phenomenon is the mismatch of resources in the Chinese capital market, reflecting its imperfections and poor investment channels. It is impossible to completely eliminate the over-financing problem in the short term without establishing efficient investment channels in China. Therefore, establishing a sound internal corporate governance mechanism is an effective way for listed companies to supervise and ensure the rational and proper use of funds raised in over-financed IPOs.

We have not yet established a clear picture of how Chinese listed companies make use of the funds they raise in over-financed IPOs or whether they act against the interests of investors in using such funds, which is one focus of this study. Agency theory indicates that due to the separation of ownership and management, managers of modern enterprises will deviate from the interests of shareholders and engage in self-serving practices. Managers of enterprises with substantial free cash flows tend to become involved in activities contrary to the interests of shareholders, such as awarding themselves perks, over-investment and empire building ([Jensen and Meckling, 1976] and [Jensen, 1986]). Jensen (1986) found that in the late 1970s and early 1980s, the excess-capacity US oil and tobacco industries became involved in over-investment due to agency problems, blindly expanding the scope of their business and affecting the interests of investors instead of returning surplus cash flows to them via cash dividends. Lamont (1997) and Ghose (2005) come to similar conclusions in later studies. Focusing on US oil companies, they find the level of over-investment is directly related to the amount of cash available to managers. Therefore, enterprises need a corresponding internal governance mechanism to align the interests of managers and shareholders, to supervise and motivate managers and to reduce principal-agent costs ([Jensen and Meckling, 1976], [Eisenhardt, 1988] and [Shleifer and Vishny, 1997]).

We consider that given China's status as an emerging economy, the IPO over-financing phenomenon unique to the Chinese capital market has

some similarities to the free cash flow problem of Jensen (1986).[4] Where basic financing needs are satisfied, listed companies with excess IPO funds provided by investors are more likely to engage in over-investment and misuse or waste such funds because of agency problems, thereby resulting in the inefficient use of enterprise funds and damaging the interests of shareholders. Chinese listed companies that raise excess funds in IPOs currently provide a natural population for examining the relationship between internal corporate governance mechanisms and corporate investment decisions, and for testing the effectiveness of internal corporate governance in a more rigorous fashion. The use and investment of funds raised in over-financed IPOs more truly reflect the real motives of executives. Excess IPO funds are not subject to any commitment related to an established purpose and investment plans, and no problem would arise even if the projects in which such funds were invested changed. Therefore, listed companies can use this source of additional funds as they please. After meeting the funding needs of the enterprise's established investments, the listed company's executives are more likely to use IPO funds left over to further their own interests because of agency problems. In addition, the huge amount of funds raised in over-financed IPOs will also induce companies to engage rapidly in investment and expansion. A typical case is that of the company Beijing Lier High-Temperature Materials Co., Ltd. (002392)[5] listed on the Shenzhen SME Board. In circumstances where the industry was contracting and there were a lack of good investment opportunities, Beijing Lier misused the funds it raised and embarked on a counter-cyclical expansion program in September 2010, blindly investing in a technology line that had been taken out of production and seriously damaging the interests of investors as a result.

Jensen (1993) argues that managers generally have an impulse to over-invest because they can obtain more private benefits by controlling more resources such as perks, which are often positively related to the size of the company, and that managers have the motivation to expand the scale of business investments. Jensen and Meckling (1976) considered that giving managers corresponding incentives to reduce their opportunistic behavior can reduce agency conflicts to realize the maximization of enterprise value. Morck et al. (1988) find that self-serving managers who hold fewer shares in the company will exacerbate conflicts of interest between managers and outside shareholders. With higher managerial ownership, managers have a greater share of residual income, thus incentivizing them to focus on the long-term performance of the enterprise and exerting a convergence effect. Hall and Liebman (1998) point out in a study of US listed companies that in comparison with wages, bonuses and other forms of compensation, equity incentives are an effective incentive tool. Therefore, managerial ownership can reduce the conflict between the interests of shareholders and effectively reduce agency costs. Subsequent research has also shown that equity incentives can improve the efficiency of

investment, inhibit managers from engaging in myopic behavior ([Balkin et al., 2000] and [Tang et al., 2011]) and reduce over-investment (Broussard et al., 2004).

Studies based on China's domestic market have found that managers of listed companies also have a tendency to over-invest and that this kind of over-investment leads to less efficient investments that damage firm value (Wei and Liu, 2007). Given the lack of financing constraints and securities market mechanisms in China's capital market as the country goes through a period of economic transition, listed companies lack constraints on their integrity (Liu and Dai, 2004). Moreover, information asymmetry in investment projects exacerbates opportunistic behavior among managers and promotes their misuse of funds raised in over-financed IPOs to engage in over-investment. As yet, we lack a clear understanding of whether managers granted stock option incentives use excess funds raised in IPOs in a reasonable and effective manner based on the investment opportunities available. Therefore, we propose Hypothesis 1 as follows:

Hypothesis 1. The higher the proportion of equity incentives granted to executives, the greater the extent to which they alleviate the over-investment of funds raised in over-financed IPOs.

Jensen and Murphy (1990) argue that a well-designed compensation contract is an important mechanism enabling the company to converge the interests of managers and shareholders. Enterprises motivate executives in various ways. One of the methods most commonly adopted is monetary compensation contracts. Monetary compensation contracts set out how much the enterprise may pay an executive during the contract period (Chen et al., 2010). Compensation contracts that do not incentivize managers to work hard and compensate them for doing so are likely to cause opportunistic behavior among managers. In comparison with equity incentives, monetary rewards exert an incentive effect within a short period and tie compensation more closely to the current efforts of managers.

Studies conducted to date are not unanimous on whether monetary compensation plays a role in inspiring the managers of Chinese enterprises. Wei (2000) and Li (2000) find that monetary compensation paid to managers does not play an incentivizing role in China, showing the performance of Chinese listed companies is not positively related to managers' annual pay. However, the empirical evidence of Liu et al. (2003) andZhang et al. (2003) shows that monetary rewards have an incentivizing effect to some degree, demonstrating firm performance has a significant positive relationship with monetary rewards paid to managers. However, the effect of managerial monetary compensation on over-investment among enterprises remains an untested empirical question.

Xin et al. (2007) point out that managers who can obtain large private benefits from corporate investment projects are more likely to accept investment projects with a negative net present value and that setting monetary compensation too low will cause managers to engage in over-

investment, thereby seriously damaging the wealth of shareholders. Executives with higher monetary rewards are likely to engage in myopic behavior because they are insufficiently incentivized and have a greater likelihood of directly misusing excess funds raised in IPOs to over-invest and obtain private benefits. Based on this discussion, we propose Hypothesis 2 as follows:

Hypothesis 2. The greater the monetary rewards paid to executives, the more likely they use funds raised in over-financed IPOs to engage in over-investment.

Jensen (1993) argues that the function of the chairman is to run board meetings and oversee the process of hiring, firing, evaluating and compensating the CEO. Clearly, the CEO cannot perform this function in isolation from their personal interest. Without the direction of an independent leader, it is much more difficult for the board to perform its critical functions. Therefore, the corresponding internal control systems of the enterprise will be ineffective. Fama and Jensen (1983) and Jensen (1993) argue that the separation of the chairman and CEO roles allows the board to monitor the CEO more effectively, thus reducing agency costs, whereas having the CEO also serve as chairman of the board may result in higher agency costs. Based on this discussion, we propose Hypothesis 3 as follows:

Hypothesis 3. CEO duality leads to the over-investment of funds raised in over-financed IPOs.

Cronqvist and Fahlenbrach (2009) find that the largest shareholder has an influence on investment, financing, executive compensation and other company policies. Using a theoretical model, Shleifer and Vishny (1986) point out that the existence of large shareholders and concentrated ownership can reduce managers' opportunistic behavior, can partially solve the free-rider problem of small and medium-sized shareholders, and can alleviate agency conflicts between shareholders and managers. However, Shleifer and Vishny (1997) argue that most agency costs in some emerging countries come from conflicts of interest between controlling shareholders and small shareholders rather than from conflicts of interest between managers and dispersed shareholders.

Based on their investigation of the phenomenon whereby Chinese listed companies frequently change the projects to which money raised through public offerings is committed, Zhang and Zhai (2005) show that the probability and degree of these changes is significantly negatively related to ownership concentration. This means that large shareholders of listed companies in China determine how the interests of small shareholders are served by controlling how funds raised are used. In addition, Chen and Chen (2005) find that the use of IPO proceeds was influenced by the agency problems of large shareholders and that the largest shareholder controlled the proceeds of listed company IPOs. Therefore, governance mechanisms are needed to curb the behavior of

large shareholders and prevent them from acting against the interests of small shareholders.

The theoretical literature suggests that balanced ownership is an effective internal corporate governance mechanism and that ownership checks and balances can to some extent inhibit large shareholders from acting against the interests of small shareholders and improve firm performance (Shleifer and Vishny, 1986;La Porta et al., 1999). If the company has more than one large shareholder, the behavior of the largest shareholder can be restricted and the interests of other shareholders can be upheld. Due to the improvement brought about by balanced ownership, checks and balances between multiple large shareholders can limit the misappropriation of private benefits of control ([Zhu and Wang, 2004] and [Tu and Liu, 2010]) and increase the time and energy directed toward the supervision of managers so they dare not over-invest. Based on the above theoretical predictions, mutual checks and balances among the largest shareholders to some extent influence the use and investment of funds raised in IPOs. However, empirical evidence pointing to whether such checks and balances between large shareholders can inhibit the misuse of excess IPO funds to engage in over-investment is still lacking. Based on this discussion, we propose Hypothesis 4 as follows:

Hypothesis 4. The more even the balance of power between shareholders, the greater the extent to which they alleviate the over-investment of funds raised in over-financed IPOs.

3. Research design

3.1. Sample selection and data sources

Since 2005, the Chinese capital market has experienced the split-share structure reform, the implementation of an IPO inquiry system and the promulgation of provisions on the use of funds raised by listed companies. Given this background, we select as the sample for this study companies listed on the A-share section of the Shenzhen Stock Exchange that launched over-financed IPOs in the 2006–2010 period. The first reason we consider the Shenzhen market only is that only 31 companies listed on the Shanghai Stock Exchange had over-subscribed IPOs in the same period and no specific disclosures on the use of excess funds raised by such companies can be found. The second reason is that the listing rules and information disclosure system of the Shenzhen Stock Exchange are stricter than those of its Shanghai counterpart and information disclosed on the use of excess funds raised by Shenzhen listed companies is more complete. A total of 542 Shenzhen-listed companies launched over-financed IPOs in the 2006–2010 period, of which 170 did not make disclosures on their use of excess funds. After excluding missing data, we have a final sample comprising 372 firm-year observations. Among these observations, 27, 30, 21, 56 and 238 are for each of the years from 2006 to 2010 respectively. Financial and corporate governance data are obtained from the China Stock Market and Accounting Research (CSMAR) Database.

3.2. The use and investment of funds raised in over-financed IPOs

Data regarding the use and investment of funds raised in over-financed IPOs are drawn from "Assurance reports on the annual use and storage of raised funds", "Independent opinions of independent directors on the plan to use excess funds raised", "Announcements on the use of some of the funds raised in over-financed IPOs to repay bank loans and add liquidity" and other publicly available information. We manually collect data on the use of funds raised in over-financed IPOs. Funds raised in over-financed IPOs are invested for purposes including the following: add liquidity, set up subsidiaries, mergers and acquisitions, purchase plant, construct self-built buildings and plant, purchase land and real estate, purchase office space, pay back bank loans, investment in subsidiaries, investment projects and construction projects, capital increase, overseas investment, deposit in dedicated account, working capital related to the main business, advertising, marketing services network construction, expansion of headquarters R&D center, investment in the main business and not disclosed.

According to the relevant requirements of the "Memorandum on information disclosure business of GEM No. 1 – the use of funds raised in over-financed IPOs" promulgated by the Shenzhen Stock Exchange: (1) funds raised in over-financed IPOs should be deposited in a dedicated account; (2) funds raised in over-financed IPOs should be used for the main business of the company and should not be used for securities investment, trust management, derivatives investment, venture capital or other high-risk investments, or to provide financial assistance to others; (3) the amount of funds raised in an over-financed IPO to permanently add liquidity and repay bank loans should not exceed 20% of the total amount of funds raised every 12 months; and (4) the use of funds raised in an over-financed IPO to temporarily add liquidity is to be regarded as the same as using idle funds raised funds to temporarily add liquidity. Therefore, adding liquidity, paying back bank loans, making deposits in a dedicated account and other working capital accounts related to the main business are classified as non-capital investments. That is, they constitute projects that only maintain value and cannot add value, while other projects are classified as capital investments.

3.3. Model specification and variable definitions

In this paper, we study the effect of executive ownership incentives, monetary compensation paid to executives, CEO duality and the balance of power between shareholders on the over-investment of funds raised in over-financed IPOs. We follow prior literature in selecting the corresponding control variables. Based on data on Chinese listed companies, Wei and Liu (2007) find that the better the firm performs and the stronger its profitability (EPS), the greater the possibility of over-investment. In addition, investment opportunities (Tobin's *q*) have a far-reaching influence on the investment behavior of enterprises ([Broussard

et al., 2004], [Shleifer and Vishny, 1997], [Richardson, 2006], [Wei and Liu, 2007], [Xin et al., 2007] and [Tang et al., 2010]). Previous studies point out that corporate over-investment is related to ineffective corporate governance ([Wei and Liu, 2007] and [Xin et al., 2007]). Yu et al. (2010) and Qin (2010)further find that independent directors can play a supervisory role to a certain extent and that the higher the proportion of independent directors, the more the board can inhibit over-investment. However, the empirical evidence of [Luo et al., 2012] and [Tang et al., 2010] and Liu (2006) shows that Chinese independent directors do not yet play a significant role in the restraint of corporate over-investment. Although some studies point out that a reasonable board size is an assurance that the enterprise is highly efficient (Yermack, 1996), there is no unanimous conclusion on the relationship between board size and corporate over-investment in China. Qin (2010) finds that board size is significantly negatively correlated with over-investment. However, Luo et al. (2012) point out there is no clear relationship between them. Other studies demonstrate that in comparison with private enterprises, state-owned enterprises engage in more serious over-investment ([Yu et al., 2010], [Qin, 2010] and [Luo et al., 2012]). Therefore, we select as our control variables the investment opportunities of the firm (Tobin's *q*), firm performance (EPS), nature of the controlling owner (Control), proportion of independent directors (Dirp), board size (Dirsize), year effects (Year) and industry effects (Industry), and build the following model.

The empirical logic we follow in this paper includes the following three steps: first, if the company uses excess IPO funds for non-capital investment projects, its retention of idle funds means it is more likely to wait for better investment opportunities in the future and participate in investment projects with an NPV greater than zero. It can maintain the value of the funds raised while holding them in custody and at least help alleviate the agency problems it faces. Second, if the enterprise uses funds raised in an over-financed IPO for capital investments, we need to undertake a specific analysis of whether such capital investments constitute over-investment. The key measure of over-investment is to investigate the investment purposes of the enterprise's capital investments. We use investment opportunities to determine whether a capital investment represents over-investment. If the enterprise has good investment opportunities in comparison with those available in its industry and uses excess IPO funds to make investments that maintain and add value, such capital investments do not constitute over-investment. In contrast, if the enterprise does not have good investment opportunities relative to those in its industry and uses excess IPO funds to make investments, the capital investments represent over-investment increasing the agency costs of the enterprise. Third, we investigate what internal corporate governance mechanisms are effective in suppressing over-investment in capital projects.

4. Empirical results

4.1. Descriptive statistics

Shows that the average proportion of sample companies that use funds raised in over-financed IPOs for capital investments (RI) is 0.3631. In addition, the descriptive statistics in Table 3 indicate that the proportion of sample companies that use excess IPO funds to add liquidity, make deposits in dedicated accounts or participate in other non-capital investment projects is 46.49%, with the remaining 53.51% using such funds for capital investment projects. As much as 54.84% of all non-capital investment projects are used to add liquidity, with 44.89% being used to pay back bank loans. The largest category of capital investments is investment projects and construction projects, accounting for 56.10%, followed by mergers and acquisitions (15.12%), setting up subsidiaries (11.68%) and investment in subsidiaries (10.67%). It should be noted that 170 listed companies did not disclose any details of their investment of excess IPO funds.

We further analyze how Shenzhen A-share listed companies have used funds raised in over-financed IPOs by year. Reports the corresponding data. We find that the number of listed companies raising excess funds in IPOs is small for the 2006–2008 period. Even listed companies that raised funds in over-financed IPOs used such funds to add liquidity and rarely made capital investments in any form. However, in 2009 and 2010, listed companies used excess IPO funds for various forms of capital investment, indicating agency problems became increasingly serious in the Chinese capital market in those two years. In our view, the major reason may be that the Chinese government has since 2008 put 4 trillion yuan into the market to expand domestic demand and stimulate economic growth. Thus, the over-investment problem is becoming more serious under the influence of excess liquidity.

Shows that in comparison with state-owned enterprises, non-state-owned enterprises are more likely to make capital investments. In addition, state-controlled listed companies tend to concentrate their capital investments in investment projects and construction projects, mergers and acquisitions and setting up subsidiaries, having no involvement in the other categories of capital investment. However, non-state-controlled listed companies make capital investments in various forms. These results indicate that non-state-owned enterprises are more likely to use funds raised in over-financed IPOs to make capital investments than their state-owned counterparts.

4.2. Univariate analysis

In accordance with the hypotheses stated above, we use Tobin's q to measure investment opportunities and to divide the sample into two sub-groups. One sub-group consists of firms with a Tobin's q greater than the industry average, with the other sub-group comprising firms with a Tobin's q less than the industry average. Our logic outlined above suggests

that if a company uses funds raised in an over-financed IPO for projects with good investment opportunities (Tobin's q > industry average), it does not engage in over-investment and alleviates the agency problems of the enterprise. Otherwise, it engages in over-investment and exacerbates the agency problems of the enterprise. Panel A of Table 6 shows that in capital investments (RI or RF), the number of sample firms with good investment opportunities is 149 and the number of sample firms with poor investment opportunities is 223, almost double that of the former. In addition, the mean t-value for the good investment opportunities group is significantly lower than that of the poor investment opportunities group (the mean differences are −9.98% and −3.89e−06, significant at the 1% level). The results show that enterprises do not use excess IPO funds for projects with good investment opportunities and that more such funds are used for projects with poor investment opportunities. This indicates that Chinese listed companies often engage in severe over-investment behavior when using funds raised in over-financed IPOs.

We also conduct parametric tests (t-tests) on the state-owned enterprise and non-state-owned enterprise sub-samples respectively. Panel B of Table 6 reports the corresponding data. In Panel B, when capital investments are measured by RI, we find no significant differences between state-owned enterprises and non-state-owned enterprises. However, when capital investments are measured by RF, there are significant differences between state-owned enterprises and their non-state-owned counterparts. The mean value for state-owned enterprises is lower than that for non-state-owned enterprises (the mean difference is −4.83e−06, significant at the 1% level). This indicates that the over-investment problem is less severe among state-controlled listed companies than among non-state-controlled listed companies. Wang and Zhou (2006)and Wang (2008) demonstrate that because of their greater social and public responsibilities, state-owned companies more effectively protect the interests of investors and thus have better firm performance. We believe that because managers of state-owned enterprises are often appointed by the Chinese government, they are subject to government oversight and intervention and thus may behave in a manner consistent with the interests of investors and superior to that of the managers of other companies, thereby reducing agency costs (Li, 2009). Therefore, the over-investment problem is less acute in state-controlled listed companies than in their non-state-controlled listed counterparts.

We also undertake further parametric tests (t-tests) of state-owned enterprises and non-state-owned enterprises, respectively, according to their investment opportunities (Tobin's q). The corresponding results are shown in Panels C and D of Table 6. The results reported in Panel C show that most state-owned enterprises are more likely to engage in projects with good investment opportunities. Moreover, when capital investments are measured by RF in Panel C, the mean value of good investment opportunities is significantly lower than that of poor investment

opportunities (the mean difference is −4.15e−06, significant at the 5% level). This indicates that some state-owned enterprises engage in over-investment. The results in Panel D where capital investments are measured by RI and RF show the mean value of good investment opportunities is significantly lower than that of poor investment opportunities (the mean differences are -0.0932 and −3.89e−06, significant at the 5% and 1% levels, respectively). These results once again demonstrate that non-state-owned enterprises are more likely than their state-owned counterparts to use funds raised in over-financed IPOs to make capital investments, and have a more serious problem of over-investment.

4.3. Multivariate regression analysis

We examine the relationship between internal governance mechanisms and over-investment behavior further through multivariate analysis. Table 7 presents the results. The coefficients on Stock are negative and statistically insignificant in models (1) and (2). This means ownership incentives paid to executives do not curb over-investment, thus rejecting hypothesis 1. We find that the coefficients for Lpay and Dual are positive and statistically significant in models (1) and (2). This indicates that executives paid greater monetary rewards and executives in firms with CEO duality are more likely to use excess IPO funds to engage in over-investment. The empirical evidence in Table 7 thus supports hypotheses 2 and 3. We also find that the coefficients for *Z* are negative and statistically significant in models (1) and (2), indicating the greater the balance of power between shareholders, the greater the alleviation of over-investment in the use of excess IPO funds. The empirical evidence reported in Table 7 thus supports hypothesis 4. In the results for the control variables, we find that the coefficients for Eps are positive and statistically significant in models (1) and (2). Therefore, better firm performance (EPS) leads to a greater possibility of over-investment.

If listed companies self-select in making disclosures on the use of funds raised in over-financed IPOs, the main regression results of this study may be subject to self-selection bias. Therefore, we also perform the following robustness tests. We select as the sample Shenzhen A-share listed companies that launched over-financed IPOs in the 2006–2010 period. Since 2009, the Shenzhen Stock Exchange has required listed companies to disclose how they use funds raised in over-financed IPOs. The main sample used for this study thus comprises two groups: listed companies making voluntary disclosures and listed companies making mandatory disclosures. Therefore, we limit the sample used to retest the hypotheses to listed companies making mandatory disclosures on the use of funds raised in over-financed IPOs after 2009.

The results of the robustness tests are all consistent with the results of earlier tests. Show that executives who receive greater monetary compensation are more likely to use funds raised in over-financed IPOs to engage in over-investment. Moreover, CEO duality will lead to the over-

investment of excess IPO funds. In addition, improving the balance of power between shareholders will help alleviate the over-investment of funds raised in over-financed IPOs. Taken together, these findings provide further support for the hypotheses and show the main empirical results are robust to a variety of specifications.

6. Conclusions and implications

As a phenomenon unique to China's capital market, IPO over-financing has become an important concern for the China Securities Regulatory Commission, China's domestic financial media and scholars alike. Using a sample of Shenzhen A-share listed companies that launched over-financed IPOs in the 2006–2010 period, we explore the relationship between internal corporate governance and the use of funds raised in over-financed IPOs. The major findings are as follows.

First, due to agency problems, severe over-investment behavior is prevalent among listed companies that raise excess funds in their IPOs. The major uses of funds raised in over-financed IPOs are construction projects, mergers and acquisitions, and establishing and investing in subsidiary companies. In addition, over-investment behavior has a negative impact on the future performance of the enterprise and can significantly negatively affect the long-term return on firm capital.

Second, internal corporate governance mechanisms can be effective in alleviating the over-investment of funds raised in over-financed IPOs of listed companies. Improving the balance of power between shareholders will help alleviate the over-investment of funds raised in over-financed IPOs. However, CEO duality leads to the over-investment of excess IPO funds. In addition, the greater the monetary rewards paid to executives, the more likely they will use funds raised in over-financed IPOs to engage in over-investment.

We also find that the over-investment problem encountered in the use of excess IPO funds is less common among state-controlled listed companies than it is among their non-state-controlled counterparts. When making capital investments, state-controlled listed companies tend to limit funding to construction projects, mergers and acquisitions, and establishing and investing in subsidiary companies. In contrast, non-state-controlled listed companies participate in various forms of capital investment.

Our study raises a number of implications for researchers, managers and regulators. First, the Growth Enterprises Market (GEM) complements and improves the existing Chinese capital market system. The GEM helps accelerate the growth of innovative high-tech enterprises, adjust the structure of Chinese industry, transform and upgrade Chinese small and medium enterprises, and strengthen the international competitiveness of Chinese firms. Although the IPO over-financing phenomenon currently seen in the GEM is the result of market choice, this not only goes against the original purpose of setting up the GEM, but also poses a major

challenge to the stable and healthy development of the Chinese capital market. Therefore, GEM systems require further improvement, such as by regulating IPO pricing, reducing the IPO threshold and establishing an exit mechanism to raise the standard of supervision of the use of funds raised in over-financed IPOs. Second, good internal corporate governance of listed companies can effectively alleviate the over-investment problem encountered in the use of excess IPO funds and improve the efficiency with which such funds are used. The corporate governance mechanisms of listed companies should thus be improved further to promote the sound operation of GEM companies. Third, this study highlights the need to take further steps to establish and improve China's multi-level capital market system and widen the range of direct financing channels available to enterprises, while continuing to broaden the investment channels open to residents and guiding the reasonable and orderly flow of funds.

Acknowledgements

The authors thank the anonymous referees and editor for their constructive suggestions. Any errors are the sole responsibility of the authors. We are grateful for support from the Fundamental Research Fund for the Central Universities of the Chinese Ministry of Education (Grant Nos. 2012074 and 11JYB2014) and the Talent Introduction Project of Zhongnan University of Economics and Law (Grant No. 31541111113). This study was supported by the Social Science Youth Fund of the Chinese Ministry of Education (Grant No. 12YJC630241) and the Discipline Construction Special Fund of the Education Department of Guangdong Province (Grant No. WYM11028).